

Сантьяго
ПАХАРРЕС
Без обратного адреса



Кладбище забытых книг

Сантьяго Пахарес
Без обратного адреса

«АСТ»

2014

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

Пахарес С.

Без обратного адреса / С. Пахарес — «АСТ», 2014 — (Кладбище забытых книг)

«Шаг винта» – грандиозный роман неизвестного автора, завоевавший бешеную популярность по всей Испании. Раз в два года в издательство «Коан» приходит загадочная посылка без обратного адреса с продолжением анонимного шедевра. Но сейчас в «Коан» бьют тревогу: читатели требуют продолжения, а посылки все нет. Сотруднику издательства Давиду поручают выяснить причины задержки и раскрыть инкогнито автора. С помощью детективов он выходит на след, который приводит его в небольшой поселок в Пиренейских горах. Давид уверен, что близок к цели – ведь в его распоряжении имеется особая примета. Но вскоре он осознает, что надежды эти несбыточны: загадки множатся на глазах и с каждым шагом картина происходящего меняется, словно в калейдоскопе...

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

© Пахарес С., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сантьяго Пахарес

Без обратного адреса

Santiago Pajares
EL PASO DE LA HELICE

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Antonia Kerrigan Literary Agency

Серия «Кладбище забытых книг»

© Santiago Pajares, 2014
© Перевод. О. А. Светлакова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Моим родителям – за все, что было и будет.

Глава 1

Лиссабон

Давиду было неловко так долго занимать столик одному. Он сидел в ресторане среди парочек, которые наслаждались романтическим ужином, и вертел в руках мобильник, иногда отрываясь от этого занятия, чтобы сделать еще один маленький глоток белого вина. Давид уже трижды звонил Лео Баэле, не получая ответа, и вежливые вопросы метрдотеля, скоро ли подойдет его гость, действовали на нервы.

– Пока не пришел, – сказал Давид, объясняя очевидное.

– Подождете? – Метрдотель говорил по-кастильски безупречно, разве что с легким акцентом.

– Да, немного подожду.

Давид знал, что на столик претендуют голодные клиенты, и мэтр будет счастлив, если он уйдет, однако терпеливо ждал.

Он приехал в Лиссабон специально для этого ужина с одним из авторов их издательства, а теперь тот не явился в ресторан и не отвечал на звонки. Лео Баэла, конечно, никогда не отличался обязательностью, но тут уж перешел все границы. Давид решил подождать пятнадцать минут. Поправил на скатерти зеленый блокнот со своими заметками по новому роману Лео. Аккуратно положил поверх блокнота мобильник. Сделал глоток белого вина. Ресторан специализировался на рыбных блюдах, столик надо было заказывать заранее. Издательство оплачивало счет.

Телефон зазвонил через десять минут. Люди за соседними столиками обернулись на Давида с возмущением.

– Давид!

– Лео, где ты? Я жду уже пятнадцать минут. – Он не хотел начинать с упреков, но не смог скрыть раздражения.

– На вечеринке.

– Какой вечеринке? Где ты, Лео?

– На квартире друга одного моего знакомого.

– Друга твоего знакомого? Ты не знаешь, где находишься?

– Знаю. Сейчас пришлю тебе адрес.

– Зачем?

– У меня здесь срочное дело, не могу уйти. Приезжай, я к этому времени разберусь, а потом мы спокойно пообедаем вдвоем.

– Пообедаем? Где?

– Давид, мы же в Лиссабоне, городе ресторанов! В общем, я тебя жду, а когда доберешься, поговорим.

Давид промолчал. Лео просто игнорировал их договоренность.

– Послушай, я же столик специально заказал, сижу тут жду тебя.

– Давид, я посылаю тебе адрес, скоро увидимся. Пока.

Давид заставил себя закрыть рот и успокоиться. Ему не оставляли выбора. И никаких извинений. Он снова положил телефон на зеленый блокнот – подготовленный, но так и не открытый. Через несколько секунд послышался короткий гудок – пришла эсэмэска с адресом вечеринки. Давид вздохнул и поднял руку, подзывая метрдотеля.

– Счет, пожалуйста.

– Ваш друг не придет?

Давид отметил, что мэтр заменил «гостя» на «друга», и подумал, что их телефонный разговор, возможно, звучал как ссора любовников.

– Нет, не придет.

– Ах...

Ну, это уж слишком.

– Несите счет и воздержитесь от соболезнований.

Давид надел пиджак и ушел.

У ресторана свободных такси не было, пришлось идти до угла улицы. Можно было бы вернуться и попросить мэтра заказать машину, но не хотелось. Давид даже чаевых не оставил.

Наконец удалось поймать такси – черный автомобиль с травянисто-зеленым капотом. Таксист не понимал по-кастильски, а португальский Давида не выходил за пределы умения прочитать кулинарный рецепт на коробке с крупой. Услышав адрес, водитель скроил недоверчивую мину. Кончилось тем, что Давид протянул ему свой мобильник, и тот ввел в навигатор адрес прямо с экрана. Что это за вечеринка такая и что за квартира, если ее адрес даже таксисты не знают?

– Пожалуйста, верните мой телефон. Спасибо.

Водитель убрал с капота флажок, означающий, что машина свободна, и они отправились в путь. Давид выбрал «Вифлеем», потому что из всех приличных лиссабонских ресторанов он находился ближе к дому Лео. Пока они ехали по шоссе, ведущему к порту, Давид собирался с мыслями.

Лео Баэла был одним из авторов издательства «Коан». Давид питал к Лео слабость: вместе с ним шесть лет назад они сумели встать на ноги, пробиться в издательский мир. Два месяца подряд они с Лео провели тогда бок о бок над рукописью, правя, убирая слабые места и развивая счастливые находки. Тот роман, «Боги осени», имел успех. Начали они, правда, со скромного тиража в пять тысяч, но реклама и продвижение были настолько удачными, что через два месяца его переиздали, а потом, всего через месяц, еще раз. На Франкфуртской книжной ярмарке права на перевод продали в одиннадцать стран на трех континентах. Лео смог бросить свою бухгалтерскую работу на обувной фабрике и сочинять, не заботясь о куске хлеба. Он так страстно хотел порвать с прошлой жизнью, что даже переехал в Лиссабон, когда стал писать второй роман. Сначала речь шла только о временной смене обстановки, но когда ему встретилась Инес и они стали жить вместе, Лео поселился в Лиссабоне и снял двухэтажный дом – со старинными потолочными балками, с большим запущенным садом. Дом стоял на холме, откуда, кстати, был прекрасно виден ресторан «Вифлеем» – торчавшие из зелени башенки стилизованного под замок здания. Там-то, у себя, подальше от Давида и его советов, Лео сочинил второй роман – «На севере не бывает дождей». Первые два тиража продавались хорошо, а потом люди уже не рекомендовали друг другу эту книгу, да и критика, по сравнению с первым романом, стала прохладнее. Агенту удалось продать роман лишь в три страны – европейские. Давид по опыту знал, что подобное случается: как бы ни была хороша книга, ей не удастся пробиться к читателю, тонкий контакт с ним вдруг пропадает. Понимал он и другое: второй роман был объективно слабее первого, не имел его магии, прелести новизны, отличающей новичков в мире литературы – с их энтузиазмом, свежестью взгляда, иллюзиями. В первом романе автор рассказывал о себе – и говорил со знанием дела. Для второго ему не хватало материала. Вот тогда-то, зажатый неуверенностью, страхом и недоверием к себе, он и вставал перед крутой горой третьего романа. Эту высоту надо было взять – или превратиться в ничто. Давид никогда не писал сам, но с двадцати восьми лет работал в издательстве и наблюдал за писателями. И если он теперь был в чем-то уверен, так в том, что писатель – существо очень хрупкое. Хороший издатель всегда почувствует, когда следует поддерживать автора, а не прессовать его, прибавляя мелкие обиды самолюбия к творческим мукам. Ведь речь шла о читателях и тиражах.

О книгах и авторах. А они порой знать не знали, какие крутые повороты и ловушки ждут их на пути в литературу.

Читатель же требователен, чтобы не сказать капризен. Если его впечатляет первый роман какого-то автора, то непременно прочитает и второй, но уж если второй не понравится, третий он не станет читать. В тот момент, когда автор погружается в пучину неуверенности в себе, забота издателя – бросить ему спасательный круг.

Давид несколько месяцев ждал пятую главу. Лео не спешил отвечать на письма и не всегда подходил к телефону. Приходилось ездить к нему домой лично, чтобы взглянуть, как продвигается дело. Давид очень охотно остался бы дома с Сильвией, своей женой: поужинали бы, сходили в кино. Вместо этого он мчался в машине по Лиссабону в сторону порта. На противоположной стороне бухты, в Альмадо, над морской дымкой, почти никогда не исчезающей в устье Тахо, возвышалась статуя Спасителя. Давид подумал, что сегодня вечером как никогда нуждается в его помощи.

Когда они свернули с шоссе и машина запетляла по узким улочкам подозрительного квартала, пришлось покрепче вцепиться в сиденье и терпеливо переносить ворчание шофера. Тот, судя по жестам, пытался объяснить пассажиру, какой это плохой район и как он недоволен. Его португальского Давид так и не понял. На площади Мартима Мониса водитель остановил машину и намекнул, что дальше не поедет. Давид не знал, то ли его уже довезли до места, то ли таксист боится углубляться в опасный квартал; он просто заплатил и вышел. Двинулся по площади, глядя, у кого бы спросить дорогу. Показал адрес какой-то молодой паре, и те, объясняясь жестами, указали, в какую сторону идти, затем спросил еще раз. Так, переходя от одних прохожих к другим, минут через десять Давид нашел нужный дом: старый, трехэтажный, облицован осыпающимися изразцами, с верхнего этажа слышится музыка. Позвонил Лео, и тот снова не ответил. Раздраженный тем, как складывался вечер, от которого они ждали только спокойного делового ужина, Давид нажал кнопку домофона. Открыли сразу же, не задавая вопросов. Лестница наверх поражала теснотой и мрачностью. Дверь в квартиру оказалась полуоткрытой, а внутрь пришлось пробираться, протискиваясь в толпе под оглушительную электронную музыку. Ему показалось, будто квартира двухуровневая – была лестница вниз.

Какая-то женщина с начесом на голове, звякая многочисленными бусами, кинулась к нему на шею:

– Салют!

Она поцеловала его в щеку, сказала что-то, чего он не понял, и ушла, протискиваясь между людьми в коридоре. Приняла за кого-то другого, смущенно подумал Давид.

Он искал взглядом Лео или его подругу Инес. Еще один звонок на мобильник остался без ответа. Давиду радушно предложили банку пива, от которой он отказался, покачав головой. Коротышка в рубаше с короткими рукавами положил руку ему на плечо и спросил на чистейшем кастильском:

– Пойдешь со мной, красавчик? Ты как любишь?

Давид лишился дара речи, потом пробормотал:

– Как-нибудь в другой раз...

Коротышка улыбнулся, пожал плечами и тоже исчез в толпе.

Давид устроился в уголке и принялся искать Лео среди присутствующих. На него озадаченно посматривали, не понимая, кто он такой. Все это напоминало Давиду институтские вечеринки. Вскоре показался Лео – он выходил из другой комнаты, ссорясь с какой-то женщиной. Оба яростно жестикулировали и повышали голос так, что он прорывался сквозь музыку. Давид злился на Лео, но все же подождал, не стал вмешиваться в спор. В конце концов, допустил он, и эта особа может внушить возвышенную страсть, хотя с виду не скажешь. Лео тоже не казался героем-любовником в своей черной рубашке и с нечесаными волосами. Зазвучала

знаменитая тема «Депеш мод», под которую Давид в молодости столько раз танцевал на вечеринках. Кое-что, значит, осталось в мире неизменным.

Лео и его спутница кричали друг на друга, Давид не понимал, что именно, но удар, который Лео получил от нее по лицу, говорил сам за себя. Лео попробовал защититься, но не успел перехватить ее руку. Она замахнулась еще раз, однако ограничилась криком, потом вернулась в комнату, из которой они вышли. Лео двинулся за нею, но вдруг остановился, сделал жест, словно отбрасывающий в сторону весь этот эпизод, и пошел по коридору, обходя стоявших там людей. Давид шагнул ему навстречу. Лео в это время принял из чьих-то рук банку с пивом и жадно пил.

Давид тронул его за плечо. Лео обернулся и вздрогнул от изумления – несколько секунд он словно не понимал, как Давид здесь оказался.

– Давид! Ты уже здесь? Давно? Я тебя ждал.

Он потер руками лицо, поморщился, трогая пятно – будущий синяк, который ему только что поставила ушедшая женщина. Давиду было неловко, будто ему пеняли за опоздание.

– Довольно давно. Я тебе несколько раз звонил.

– Да тут с этой музыкой... ничего не слышно.

– Ты закончил тут свои дела? – спросил Давид.

– Какие дела?

– Когда я тебе звонил из ресторана, ты сказал, что у тебя неотложное дело...

Лео смотрел на него застывшим взглядом. Он обильно потел, зрачки были расширены. Припав к банке с пивом, сделал жадный глоток.

– Ну... да. Откуда я знаю... Закончил, наверное.

– Может, поищем более спокойное место?

– Да, пошли отсюда! Тут не с кем разговаривать.

Лео обнял его за плечи и повел по коридору к выходу. На ходу сделал кому-то прощальный жест, возможно, хозяину дома.

– Ты без пиджака? Там прохладно.

– Да... Без... Все равно...

Они спустились на булыжную мостовую улочки и двинулись по ней.

– На следующем углу бар, он должен еще быть открыт, – произнес Лео.

– Ужинать-то не будем?

– Зачем?

– Ты сегодня обедал, Лео?

– Ну... да, что-то ел.

Давид остановился перед Лео, загородив ему дорогу.

– Ты сколько выпил?

– Сколько, сколько... Ведь праздник!

– Давай позвоним Инес, чтобы она отвезла тебя домой, а завтра спокойно поговорим?

Давид вспомнил, что на завтра у него билет в Мадрид.

– Нет уж, не будем ей доставлять такого удовольствия. – Лео тихо засмеялся. Звуки, которые он издавал, были какими-то болезненными: свистящими, хрипыми.

– Инес знает, куда ты ушел?

– Давид, Инес уже давно ничего не хочет обо мне знать.

И он снова двинулся вперед. Давид вдруг заметил, что Лео с трудом держится на ногах. Он поддерживал Лео, пока они шли к площади Мартина Мониса, где его высадил таксист. Легкий бриз, приятный, хотя и холодный, помог отдышаться и успокоиться. Давид довел Лео до фонтана на площади, усадил на бортик и пошел искать такси. Должно же быть хоть одно на такой огромной площади.

Он почти поймал машину – уже поднимал руку, когда заметил, что Лео сползает с бортика и его рвет прямо в фонтан. Давид поддерживал его, а люди топтались у них за спиной. Рвало его только жидкостью – никакой еды. После рвоты Лео стало легче. Бледный, покрытый потом, он поднял на Давида глаза – кротко, как ребенок, которого учитель похвалил за выученный урок.

– Прости меня, Давид.

– Да ладно. Не за что.

– Нет, есть за что.

Он пришел в себя, и они вместе отправились ловить такси. Машина быстро нашлась – на сей раз бежевого цвета. Лео на отличном португальском назвал адрес своего дома. Таксист, наверное, спросил его, есть ли деньги, потому что Лео показал ему бумажник.

Поплутав по кривым улочкам несколько минут, они выбрались на то же шоссе, по которому Давид приехал. Теперь он двигался в обратном направлении и с Лео на борту. Таковы были итоги дня.

Лео открыл окно и жадно дышал. Холодный ветер высушил пот на его лице и волосах. Давид, боясь, что приятель простудится, укрыл его своим пиджаком.

– Я не послал тебе пятую главу, – наконец выговорил Лео.

– Да. Ты ее не прислал.

– Я ее не написал.

– Из-за этой женщины? Ну, на вечеринке.

Лео кивнул.

– Кто она?

– Каролина. То самое срочное дело, которое у меня было.

– И что, разобрался ты с ней?

Лео покачал головой. Они молчали, пока ехали под мостом, молчали всю дорогу до дома Лео. Там он вынул ключи и попытался открыть дверь, не попадая в замочную скважину. Давид должен был расплатиться с таксистом, хотя бумажник демонстрировал не он. Внутри дом был грязным и запущенным. Давид помог Лео раздеться и лечь на грязные простыни.

– Спасибо, Давид. Прости меня.

– Не за что.

Заснул он мгновенно. Давид поискал гостевую комнату. Он помнил ее опрятной и красивой, а теперь нашел в омерзительном запустении. Закончилось тем, что Давид взял одеяло и лег на софе в гостиной. Живот подводило от голода, он ведь ничего не ел весь день. Хотел поискать холодильник, но, судя по состоянию дома, в холодильнике тоже нет ничего хорошего. Засыпая, успел с досадой подумать: как вышло, что с автором и его плачевной ситуацией возится он сам, а не агент Лео? Ведь тот, между прочим, получает процент с продаж.

Давид проснулся утром с болью в спине. Встав, поискал Лео – того нигде в доме не было. Опять исчез. Очередной звонок ему на мобильник отозвался гудением телефона на тумбочке у кровати. Давид сел и попытался, отбросив досаду, продумать план действий. От Сильвии было два пропущенных звонка. Еще бы, ведь самолет улетел сегодня утром в Мадрид без него, а он Сильвию даже не предупредил. Жена ждала его в зале прибытия, все пассажиры с его рейса прошли, а его нет. Он тихонько чертыхнулся. Чем скандалить по телефону сейчас, лучше появиться позже с хорошим подарком, который смягчит ситуацию. Давид медленно потянулся к полу пальцами рук, слушая, как поскрипывают позвонки.

Когда он мучительно распрямился, вошел Лео. Выглядел он теперь получше. Небрит, конечно, но хоть душ принял и больше не походил на мертвеца. На скуле – синяк, воспоминание о беседе с Каролиной. Было видно, что он подыскивает слова и не находит их. Повисла неловкая пауза. Лео все-таки нашел, как из нее выйти:

– Ну что, позавтракаем?

Они прошлись по улицам квартала вниз, к шоссе и трамвайным путям. Утро выдалось солнечное, и множество пар наслаждались прогулкой на своем ежеутреннем пути в булочную. Проходя мимо ресторана, где накануне сорвался их деловой обед, Давид показал на него Лео.

– Ах вот оно что, – произнес тот. – Да, я о нем слышал. Хороший?

– Вино просто прекрасное, – ответил Давид.

Позавтракать Лео предложил в каком-то кафетерии на углу. Они уселись за сверкающий металлом столик. Любезный официант, который явно был Лео знаком, принес два двойных кофе и настоящие португальские «вифлеемские» пирожные – слоеное тесто и взбитые сливки.

– У них они всегда свежие, – заметил Лео. – Сюда меня Инес таскала по воскресеньям. – Он глотнул кофе и, помрачнев, замолчал.

– А что у вас вышло-то? – спросил Давид.

– Да дурак из меня хороший вышел. Я тут два месяца подряд портил все, что только можно испортить, она и ушла. Ушла она сама, но виноват я. Не оставил ей выбора. Я был невыносим.

– Из-за книги?

– Да. Из-за этой чертовой книги. Сначала я убедил себя, что не могу писать, потому что мне мешает Инес, а когда она ушла, не мог писать, потому что ее не было, а я только о ней и думал. Ну не кретин?

– Творческий кризис. Обычное дело.

– И все мои дела вот такие обычные.

– Просто ты писатель. Они живут с подобными трудностями. За все надо платить.

– И почему-то тебе. Часто ты таскаешь на себе пьяных писателей?

Давид не ответил, только откусил от пирожного и запил его кофе.

– У меня, Давид, понимаешь... у меня не идет.

Давид вынул зеленый блокнот. Улыбаясь, открыл его и вынул шариковую ручку.

– Подробнее.

Разговор был долгий, напряженный. Лео объяснял, почему персонажи не годятся для того сюжета, который вроде бы у него развивался, были и другие трудности. Давид кое-что о них знал, а детали выяснил после того, как психологический срыв Лео заблокировал работу. Опытные в писательстве люди знают, что многие из данных затруднений разрешаются сами собой – стоит только несколько дней над ними поразмышлять под разными углами зрения. Нужно уметь давать себе передышку, отключаться от волевых усилий, и благодарная за доверие интуиция сама решает проблему. Но отключаться тоже надо уметь – не слишком надолго, не полностью, не теряя глубинных связей с работой. Лео же надсаживался, беспрерывно подстегивая волю, обдумывая и обдумывая фабулу с самого начала, как зависший компьютер. Он засбоил. И обвинил в этом ближних – жену, издателя, друзей – тех, от кого подсознательно ждал помощи, выбираясь из-под своих завалов.

– Когда ушла Инес... около месяца было очень плохо. Не мог сочинять. Все перепробовал: дома, на воздухе, авторучкой, на компе, даже старую пишущую машинку достал, представляешь. Потом с одним приятелем встретился, он говорит: тебе необходимо отвлечься, проветриться. Речь зашла, как водится, о женщинах, я и подумал: если со мной будет другая, кто-нибудь на месте Инес, я смогу писать. А Каролина, это знаешь, грехи молодости... да глупость вообще ужасная, конечно. Когда-то мы с ней хотели съездить в Лиссабон, вот и поехали... ты же знаешь: хочешь только хорошего, а выходит наоборот.

Давид знал. Хочешь только хорошего, а жена едет встречать рейс, которым ты не летишь.

Потом Давид прочитал, одно за другим, все свои замечания по тексту, и они их тщательно обсудили, наперебой предлагая новые пути развития сюжета и способы разрешения противоречий. В глазах Лео Давид снова заметил блеск, который всегда сопровождал их увлеченные

разговоры о литературе, когда мысли, обгоняя друг друга, лихорадочно рвались облечься в слова. Официант принес еще кофе и «вифлеемских» пирожных.

Тут Лео и задал вопрос, который Давид предпочел бы не слышать:

– Будет этот роман лучше, чем «Боги осени»?

Хороший редактор умеет не только сказать правду, но и сказать ее так, чтобы не навредить автору и его тексту. Давид держал паузу, обдумывая каждое свое слово.

– По материалу это может быть твоим лучшим произведением. Но надо вложиться по настоящему. Страницы сами собой не заполняются строчками.

Лео помолчал, а затем улыбнулся:

– Спасибо. Мне было просто необходимо услышать что-то подобное. – Глаза его блеснули. – В конце концов, в это все и упирается, правда?

– И это единственное, что должно тебя волновать. Забудь о публикациях, продажах, переводах, для этого у тебя есть мы: твой агент и я. А ты ищи только одного – возможности сочинять. Душевного покоя и времени.

– Знал бы ты, как мне не хватает Инес!

Он допил кофе, и они стали прощаться. Официант упаковал для Давида оставшиеся пирожные на память о Лиссабоне. Лео подошел к реке и жестом древнегреческого атлета вдруг метнул в воду зеленый блокнот Давида с записями по роману и бросил быстрый взгляд на его изумленную физиономию.

– Записи мне больше не нужны. Все, что надо, у меня здесь. – Он показал пальцем на свой лоб.

Улыбка его была такой заразной, что Давид невольно ответил на нее, подумав, что в конце концов его миссия оказалась успешной.

Они вернулись в дом Лео, где тот вызвал для Давида такси. Прощаясь, прочувствованно обнялись. Давид спросил:

– Лео, а откуда вообще взялся Лиссабон? Что тебе в Испании-то не живется?

Лео ответил не сразу, а когда заговорил, голос его звучал глухо:

– Перед тем как родители разошлись, мы здесь провели летние каникулы. Я был еще маленький. Последнее наше лето вместе. Самые счастливые дни моей жизни.

– Господи, – смущенно пробормотал Давид.

– Город не простой. Колдовской. Ты знаешь, что он на четыреста лет старше Рима?

– Нет.

Таксист нетерпеливо нажал на клаксон. Давид сел в машину – снова черно-зеленую. Махнул рукой на прощание. Добрался до своего отеля, в котором пришлось заночевать. Уже уходя, увидел себя в зеркале и остановился. Включил свет, чтобы рассмотреть лучше. Небритое усталое лицо, грязные волосы. Не тридцатипятилетний мужчина, а старик. Сунул расческу, запечатанную в гостиничный целлофан, в карман пиджака, чтобы хоть причесаться по пути в аэропорт Портела. Подхватил ни разу не открытый чемодан и пошел оплачивать свой счет.

В аэропорту сказали, что ближайший рейс через пятнадцать минут, но на него уже нет мест. Следующий – через три часа. Давид мысленно чертыхнулся. Надо было сделать заказ по телефону из отеля. Он купил билет и сел в одно из неудобных пластмассовых кресел, стоявших в ряд под футуристическими скульптурами. Знать бы, что так получится, – остался бы с Лео, поговорили бы еще немного о книге, да и хоть поел бы наконец. Но интуиция подсказывала, что все на самом деле хорошо, что «Клавиборд» у Лео получится и через год книги нового романа встанут ровными рядами вон на те полки в книжном киоске напротив. Он поразмыслил, как занять образовавшееся свободное время.

Вынул телефон и записную книжку. После пары гудков ответили по-португальски. Женский голос.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Инес, это Давид! Помните меня? Я издатель Лео.

Глава 2

Фолиевая кислота

Самолет набирал высоту, внизу серебряной лентой блеснул в вечернем свете Тахо, а Давид вдруг сообразил, что так и не купил Сильвии никакого подарка. Разговор с Инес выбил его из колеи. Проклятие! Попытался заснуть хоть ненадолго, но всякий раз стюардесса мешала, предлагая какие-то напитки. Наконец удалось провалиться в сон, и сразу объявили о посадке в Барахосе. Расческа так и осталась запакованной в целлофан.

Никто Давида не встречал. Он смотрел, как встречавшие кидались на шею прилетевшим. Почти всех встречали – но не его. Почти все созвонились, уточнили час прилета и теперь в терминале прибытия, улыбаясь, искали друг друга.

Через полчаса такси – на сей раз белое с красной полосой – везло его домой, в район Лас-Таблас. Шестидесят шесть квадратных метров гипрока и ламината за двести тысяч евро по ипотеке с рассрочкой на двадцать пять лет. Уже на пороге, сняв ботинки, он кинулся к холодильнику. После очень легкого завтрака в Лиссабоне Давид ничего не ел целый день и теперь был голоден. Сильвия закупила вдоволь продуктов, холодильник ломился от яств. Дожевывая цыпленка, он поплелся в спальню, на ходу скидывая с себя грязную одежду и оставляя ее на полу, как зверь оставляет свой след.

Сильвия и ее сестра Елена, профессиональный декоратор, оформляли квартиру собственными силами. Им удалось сгладить впечатление от тесноты, правильно подобрав обивку стен, мебель и украшения. Давид всегда наслаждался уютом и чистотой своей светлой, приятной для глаза, квартиры. Он подозревал, что для женщин оформление комнат было скорее предлогом для встреч, бесконечного кофе под музыку и нескончаемых же разговоров не только об интерьерах, но и обо многих из тех вещей, которые они раньше вполголоса обсуждали с Сильвией, нежась друг рядом с другом под простыней. Обо всех тех вещах, которые теперь стали так далеки от него – человека в вечных разъездах, оторванного от Сильвии, измученного стрессом ежедневной нервной работы.

Давид позвонил в издательство и сообщил, что завтра выйдет на работу. Эльза, личный секретарь Коана, известила его, что шеф хотел бы видеть его утром. Он спросил себя, что это означает – начальство ведь не приглашает вас к себе срочно и с утра пораньше, чтобы одобрительно потрепать по плечу (вместо того, чтоб повысить зарплату). Позвонил он и Сильвии, хотел сказать, что приехал, но она заблокировала его звонок на втором гудке. Давид нахмурился. Вообще, у него было время поспать до ее прихода, но о спокойном сне теперь мечтать не приходилось. Сильвия не простит, что он забыл о ней, о ее чувствах. Давид встал под душ и стоял под горячими струями до полного изнеможения, дожидаясь, пока острота тоски притупится, а голова отяжелеет. Дважды намыливался, словно надеясь смыть с себя вину и усталость, оставив только распаренную красную кожу. Прямо в купальном халате принялся раскладывать вещи из чемодана по полкам шкафа. Одежда, которую он так и не надел, все равно измялась, и ее пришлось положить в глажку. Наконец у него в руках остался лишь пакет из лиссабонской кондитерской с «вифлеемскими» пирожными. Не зная, что с ним делать, Давид тяжело сел на кровать.

– Простыни намочишь своим халатом.

Он не услышал, как Сильвия вошла. Строгий костюм, белый воротник блузки поверх лацканов пиджака. Волосы, собранные в узел на затылке, слегка выбились из прически, пока она добиралась домой. Карие глаза, вокруг которых было несколько крошечных веснушек, глядели со спокойным любопытством. Давид поднял голову и смотрел ей в лицо, пока она не улыбнулась, а он не понял вдруг, что может наконец расслабить мышцы, напряженные почти

до судорог. В такие минуты они с женой словно погружались друг в друга, мгновенно схватывая смысл без слов, и никакие слова не могли бы заменить этого чудесного единения в молчании. Полуулыбка, так и не прорезавшаяся на лице, слово, едва не сорвавшееся с губ, еле заметный жест – всего этого с избытком хватало для взаимного понимания. Не было нужды в звуках, когда одни глаза говорили «прости, я так виноват», а другие – «знаю, не мучайся так». Они понимали друг друга, как два моряка в одной лодке во время бури. Когда на кону жизнь, сами собой появляются слаженность в работе и мгновенное понимание друг друга. Людям не до взаимных претензий, когда необходимо дружно, лихорадочно вычерпывать воду из лодки, чтобы оставаться на плаву, а не тонуть. Лучше с кровавыми мозолями, да жить, чем пойти на корм рыбам. И пусть он только будет рядом, твой друг – каким бы он ни являлся.

– Я привез тебе из Лиссабона пирожные, – сказал Давид, протягивая ей пакет.

Ужин получился очень приятным. Тарелка с паштетами (Сильвия их ела с клубничным джемом), омлет с шампиньонами и салат из эндивия. Давно уж им не выпадало так славно посидеть вдвоем за столом. На рабочей неделе было трудно устраивать специальные светские вечера. Если Давиду удавалось быть дома к ужину, они просто быстро ели в кухне, устало обмениваясь во время еды впечатлениями дня. Сильвия рассказывала, что там у них происходило сегодня в бюро, а Давид – что-нибудь о том, как продвигаются продажи очередного романа. В пятницу или субботу отправлялись с приятелями поужинать на террасе какого-нибудь кафе – пара рюмок, смех, анекдоты.

Сейчас они говорили о лиссабонской поездке и романе Лео, но оба ждали момента, когда придется открыть карты.

– Надеюсь, теперь он начнет работать, – говорил Давид. – Я давно не видел его таким спокойным, как в день, когда улетал. Будто он мне в чем-то важном поверил. А это, знаешь, между автором и издателем – главное. Вообще, иметь возможность рассказать без утайки о своих бедах...

Сильвия подождала, чтобы он проникся смыслом им же сказанных слов. Давид, однако, не замечал ее особого настроения. Тогда она дождалась паузы и поставила между ними на стол аптечный флакон.

– Что это? – спросил Давид.

– Фолиевая кислота.

– Зачем ее принимают?

– Она благоприятно действует на плаценту и растущий плод.

Давид замер. Язык не слушался, слов тоже не было. Сильвия, однако, ответила на невысказанный вопрос:

– Нет.

– Нет?

– Нет, Давид. Ты рад?

Вот один из тех вопросов, на которые как ни ответь – все равно будешь плох.

– Я не ждал этого... не был готов. Вот и все.

– Именно. Ты не ждешь и не готов. Вот что происходит с нами, Давид.

– Я не готов быть отцом?

– В том числе. – Сильвия говорила мягко, без обвинительных интонаций.

– Но ребенок полностью изменит нашу жизнь.

– Конечно. Пусть она изменится. Давай ее изменим!

– А как изменить эту квартиру, например? Она слишком мала.

– Согласна. Сменим на большую.

Давид отметил спокойную непреклонность ее тона и понял, что дело плохо. По стенам змеились трещины. Трещало. Где-то прорвалась вода и размывала самые основания.

- Машина, – продолжил Давид. – Она тоже не годится.
 - Согласна, сменим и ее.
 - Не так это просто, Сильвия. Любую покупку надо планировать. Мы не можем завтра пойти и купить все, что хочется.
 - У нас нет времени, – возразила она.
 - А собственно, почему? Кто сказал, что у нас нет времени?
 - Это я тебе говорю. И мои тридцать четыре года. Мы стареем, Давид, хочешь ты или нет.
 - Да ведь рожают и в сорок. Многие женщины. И ничего.
 - Давид, сейчас самое время. Пока я не состарилась.
 - Ты боишься родов? Если дело в этом...
 - Я хочу быть своему ребенку мамой, а не бабушкой. А ты хочешь дожить до внуков?
 - Ты уж и до внуков добралась? Пойми: я хочу детей, мы об этом столько уже говорили, но...
 - Да, разговоров было много. Я вижу, ты хочешь и дальше только разговаривать.
- Давид молчал. Надо было немедленно сказать что-нибудь, что спасло бы положение, вывело бы из быстро закручивающейся необратимой воронки беседы. Должны быть такие слова, но он не знал их.
- Вот так, Давид. Мы много говорили о своих детях. Что они будут – в будущем. Теперь это будущее настало.
 - Так. Хорошо. Согласен. Но, Сильвия... нельзя же так – в один прекрасный вечер поставить на стол флакон фолиевой кислоты и ждать от этого жеста решения всех вопросов. Есть проблемы, которые не решаются с наскоку. Ты думала о том, что дети затормозят твой служебный рост?
 - На нашем предприятии, Давид, не дают отпуск по беременности и родам.
 - То есть как? Никто из женщин не рождает?
 - Рожают, но при этом увольняются. Если кто-нибудь попробует не уволиться по доброй воле, уволят за неизбежные прогулы.
 - Но это незаконно! Закон защищает материнство. В трудовом соглашении никоим образом не может быть пункта о...
 - Его и нет. Это просто обойдено молчанием. А когда приходишь на собеседование, устраиваясь на работу, они, поговорив обо все остальном, бросают тебе в спину уже на пороге: «Ну, и вы сами понимаете, что о детях не может быть и речи».
 - Так что же делать? – спросил Давид.
- Сильвия смотрела на него в упор, словно ожидая, что он сам предложит ответ, но Давид потерянно молчал.
- Я сменю работу.
 - На какую?
- Сильвия говорила как человек, принявший твердое решение, и Давид мог противопоставить ему лишь слова – жалкое средство.
- На какую? На ту, где с беременными обращаются помягче. В любом случае я добьюсь, чтобы отпуск по родам мне оплатили. Есть законы, есть положенные по закону пособия.
 - Ну ладно, а с моей-то работой как? Как ты будешь справляться одна, пока я в разъездах?
 - Да, ребенок изменит все. В том числе и твою жизнь.
 - Уж не хочешь ли ты, чтобы и я бросил работу?
 - Нет, нужно найти другую – которая не потребует постоянных разъездов.
 - Не так это просто. Я главный редактор. К такой должности, ты знаешь, человек идет долго, и найти равноценную замену...
 - Значит, согласишься на менее ответственную работу.

– И мы тут же потеряем в деньгах. Представь – ты не работаешь, а я едва зарабатываю, какая жизнь!

– Все равно – что-то делать надо.

Сильвия не отводила от мужа твердого взгляда, а сам Давид прятал глаза. Уж очень она на него давила.

– Прости, сейчас я не знаю, что сказать. Дай мне прийти в себя.

– Давид, ты кто угодно, но не дурак. А потому понимаешь, что именно стоит на кону сегодня вечером для тебя и меня. Я твердо решила больше не откладывать. Я хочу быть с тобой. Я хочу родить нашего ребенка. Разумеется, жду от тебя в этом поддержки – не думала, что это придется обсуждать... выслушивать твои аргументы против...

– Сильвия, послушай... пока я ничего не могу сообразить, быстро приспособиться к тому, что ты обдумывала не один месяц. Дай мне хоть пару дней. Я должен все просчитать... посмотреть, как складываются дела в издательстве. Надо поговорить с шефом.

Давид наконец взглянул ей в лицо. Помолчал. И произнес мягко:

– Сильвия, хорошая моя. Я растерялся. Пока не знаю, что сказать.

– Мне достаточно, что ты об этом думаешь. Я ведь понимаю, как неожиданно тебе это свалилось на голову и как много надо обдумать. Вижу, что тебе немного страшно от того, как все теперь изменится. Ну так это же наша с тобой жизнь, и мы ее проживем вместе. Я этого хочу – и ты тоже, надеюсь. Поговори с кем нужно, и вернемся к вопросу на неделе. Только помни – это решено. Мы не откладываем рождение ребенка, а планируем его.

– Ясно, – кивнул Давид. – Я поговорю с шефом завтра. Он, кстати, сам меня вызывал.

Сильвия радостно улыбнулась, и эта улыбка напомнила ему, как он ей объяснялся в любви, и сразу стало очевидно, что с Сильвией будет легко иметь детей. Давид часто думал о своих будущих детях и всегда воображал их себе с лицом Сильвии – улыбающейся Сильвии. Только вот момент для этого всегда оказывался неподходящим. Ну а теперь будь что будет. Уже началось. Надо решать.

– Ну что, спать? Устал небось, солнышко ты мое? Сильно устал?

– Честно говоря, ужасно устал... бессонная ночь... а-а-а...

Он вдруг понял, что Сильвия имела в виду, и, усмехнувшись, прервал зевоту. Кивнул на флакончик:

– А фолиевая кислота? Ждет своего часа?

– Пока подождет, – ответила Сильвия. – На эту ночь у меня другие планы.

Глава 3

Томас Мауд

Сейчас, распростертая на полу с руками в крови, она уже не выглядела как женщина, способная перевернуть весь мир, чтобы достичь своей цели. Ее широко открытые глаза, зеленые, как сама надежда, с желтыми искорками, глаза, покрытые слезами, которые собирались в крупные капли, казалось, молили об иной судьбе, той судьбе, которая уже была ей безразлична, просто чтобы все сделать правильно. Перед тем как навсегда уйти от нее...

Давид читал у себя в кабинете, в старинном здании, которое занимало издательство на мадридской улице Серрано. Утреннее солнце било в окна и нежно пригревало затылок, а глаза Давида быстро скользили по страницам, аккуратно скрепленным металлической спиралью. Это был один из сотен тех романов, какие издательство ежегодно получало «самотеком» от жаждущих писательской славы. Кто они были, эти люди, неизвестно. Давид представлял то сантехника в чьей-то ванной с разводным ключом в руках, обдумывающего диалоги своих персонажей, то студента-филолога, которому так наскучило чтение книг по обязательной программе, что он решил: «Хватит читать, пора писать. Смогу не хуже их! Не так уж трудно».

И все они, студенты и сантехники, засучив рукава, рьяно брались за дело – кто очертя голову, а кто тщательно проработав материал, перед тем как взяться за перо. Но разве не был Стивен Кинг учителем литературы, когда опубликовал свою первую книгу? А Конан Дойл – врачом? Патрисия Хайсмит писала комиксы, Набоков был энтомологом, Кафка – юристом, Томас Пинчон редактировал технические документы для компании «Боинг», Лео Баэла служил бухгалтером на обувной фабрике. Да что там говорить, если сам Чак Паланик работал на какой-то фабрике, производящей контейнеры!

В истории литературы полно примеров того, как писатель сделал себе имя первой же своей публикацией. Молодые претенденты на эту славную судьбу старались изо всех сил, не ленились, рьяно переписывая по двадцать раз те абзацы, которые Давид читал сейчас, сидя в удобном кресле. Претендент, исполненный надежд, вкладывал в рукопись всего себя, а в издательстве его рукопись вкладывали в аккуратные и очень высокие стопки в шкаф, стоявший в кладовке, где хранились запасы канцелярских принадлежностей.

Каждый сотрудник издательства, независимо от ранга, был обязан сделать ежемесячный отчет хотя бы об одной прочитанной рукописи из кладовки. Идея принадлежала лично Коану. Он говорил, что рукописи, приходящие к ним по почте в замусоленных пакетах и брезгливо засунутые в шкаф в чулане, – эти-то рукописи их и кормят. Это первичное сырье их производства. Хотя в издательстве безупречно функционировало специальное бюро по отбору текстов, где каждый являлся профессионалом, способным с первых страниц отличить годный материал от макулатуры, – Давид работал именно там, пока не стал редактором, – все равно все работники издательства «Коан» педантично представляли свой ежемесячный отчет о прочитанных книгах. Какие из них отличные, какие хорошие, какие просто терпимые...

Хороших или просто терпимых находилось очень мало, а некоторые были откровенно ужасны. Но даже если одна-единственная из них, одна из тысяч, стоила публикации – все усилия окупались. Где-то в замызганной комнатухе перед монитором, или за пишущей машинкой, или просто склонившись над тетрадкой с карандашом в руке – где-то работал писатель. И «Коан» искал этого писателя тоскливо и страстно, а искать надо было единственно возможным способом: перечитывая одну за другой все рукописи, что лежали в кладовке.

Одна из них могла быть рукописью Томаса Мауда.

Когда Давид начинал работать в издательстве, семь лет назад, каждую присланную папку он открывал с надеждой на великий роман. За семь следующих лет он прочел только шесть рукописей, которые стоили прочтения. Из них четыре потом опубликовали, причем одна была романом Лео Баэлы «Боги осени». Две из четырех опубликованных книг продавались хорошо, две – плохо. Теперь, после стольких лет чтения, стольких отчетов о стольких непригодных к редактированию текстах, Давид брался за очередную рукопись из чулана привычно, но неохотно, как человек, который заранее знает обо всем, что сейчас произойдет. Менялись лишь имена все тех же и все так же поступавших однообразных персонажей.

В первые месяцы работы он истово верил, что именно его ждет следующая счастливая находка. Шел на работу так, словно летел на крыльях, и просто мечтал скорее зайти в кабинет, закрыть за собой дверь и читать, читать, наслаждаясь сознанием, что вот наконец держит в руках книгу, о какой пока никто не знает, но скоро она войдет в жизнь миллионов. Этот счастливый день так и не наступил. Теперь Давид был меньше уверен, что он когда-либо наступит.

– Давид!

– Да? – Он поднял голову.

– Тебя к сеньору Коану.

– Спасибо, иду.

Не надо уподобляться собачке, которая бежит на свист хозяина. Он заставил себя помедлить пару минут, прежде чем встать и направиться к двери.

Перед тем как войти в приемную перед кабинетом Коана, Давид поправил воротничок и одернул манжеты. Сразу за дверью стоял заваленный бумагами стол секретарши Коана Эльзы Карреро, сорокалетней сильно накрашенной женщины, цвета волос которой никто не мог определить под толстым слоем лака, всегда покрывавшим ее прическу. Но даже так было видно, что в своей пока еще недавней молодости она была красива. Внимательный глаз замечал и хорошенький курносый носик, и прекрасные карие глаза под густо накрашенными ресницами.

Давид знал ее только в лицо. Эльза работала третью неделю, заняв место ушедшей на пенсию старой секретарши Коана. Он ей слегка кивнул.

– Сеньор Коан вас примет через несколько минут, сеньор Перальта.

– Спасибо, – ответил Давид.

Он забавлялся тем, как старательно она выдерживает деловой формат общения. Еще не привыкла, со временем освоится. Соображая, чем вызван неожиданный интерес Коана к его персоне, Давид расхаживал по приемной. С тех пор как он здесь работает, беседовать с президентом довелось не более двух-трех раз, да и то в светском духе: «как дела, как жена, как погода, как работа». Может, его ждет выволочка за задержку романа Лео? Вряд ли. Они с Лео вышли из графика, но не настолько, чтобы об этом говорить. Даже в самом тяжком варианте, например, опаздывая к Лондонской книжной ярмарке, ну что ж... они в любом случае успеют во Франкфурт. Минуту Давид тешил себя мыслью, что его вызвали, чтобы объявить о повышении. Ах, как это было бы кстати... и Сильвия, и обеспечение ребенка, и его собственные честолюбивые притязания быть оцененным по достоинству – все проблемы решились бы разом. Неужели? Давид молча смеялся над собой: он чувствовал себя, как когда-то на филологическом факультете перед доской объявлений, где вывешивали списки с экзаменационными отметками.

В своем нервном блуждании по приемной он несколько раз наткнулся взглядом на висевшие на стене в рамке отгиски корректуры. Первые страницы первого издания «Шага винта», знаменитой саги Томаса Мауда – самого известного автора «Коана». Просмотрев начальные фразы, он прочитал их вслух.

– Простите, вы мне? – Давид обернулся.

Эльза вопросительно глядела на него.

– Простите, я нечаянно прочел вслух.

– «Шаг винта»?

– Да.

– Вы не первый, кто так сделал. Я заметила, что люди, пока здесь ждут приема, очень часто подходят и читают начало вслух.

– Великая книга.

Эльза неловко заерзала на стуле и быстро отвела взгляд. Давид озадаченно уставился на нее.

– Вы ее читали? – спросил он.

– Нет, – ответила Эльза, – пока не успела.

Давид усомнился. Книгой Мауда зачитывались девяносто миллионов человек во всем мире – не успела к ним примкнуть только Эльза, секретарь того самого издательства, в котором печатается Мауд. Странно, что ее не прочитал человек, причастный к литературе. «Шаг винта» был «Властелином колец» XXI века, а сам Томас Мауд в мире жанра фэнтези был тем же, чем Агата Кристи – в детективе. Более того, Мауда читали и те, кто не жаловал его жанр. Давид встречал даже таких, которые прежде вообще чтения избегали. Написать шедевр непросто. Но Томас Мауд это сделал.

– Просто не верится. – Давид улыбнулся секретарше.

– Да, вы знаете, мне все советуют... но я, как сюда устроилась работать, постоянно занята. У сеньора Коана плотный график, у меня минуты свободной нет. Домой такая прихожу, что уже не до чтения.

– Понимаю. Значит, не читали? Я вам завидую.

– Вы ж сказали, что вам понравилось!

– Завидую вам, потому что хотел бы, но больше не могу прочитать ее в первый раз.

– Вот, значит, как сильно она вам понравилась...

– Есть книги, меняющие жизнь. Для меня «Шаг винта» стал одной из таких. Знаете, сколько миллионов экземпляров продано?

– Знаю. Девяносто.

– А каким был самый первый тираж?

– Нет.

– Менее пяти тысяч. Менее пяти тысяч, – взволнованно повторил Давид почти по слогам. – Продажи росли медленно. Но всякий, кто прочитал книгу, говорил о ней своим знакомым, и те тоже читали, восхищались и рассказывали в своем кругу, как им понравилось. Так и вышли сто изданий. Ее перевели на семьдесят языков.

– Вы здесь тогда уже работали? – спросила секретарша.

– Нет, и думаю, что никого от тех времен в издательстве не осталось, кроме самого Коана.

– Откуда же вы знаете?

– О «Шаге винта» ходит множество легенд. Я узнал о них сразу, как стал тут работать.

– А какие легенды?

Эльза становилась все оживленнее. Можно было подумать, что Давид пришел не по делу, а чтобы ее развлечь. Он придвинул стул поближе к столу, наклонился к ней и, понизив голос, произнес:

– Знаете, почему Коан настаивает, чтобы все читали рукописи из самотека?

– Нет... может, бюро по отбору рукописей перегружено и не справляется?

– Потому что «Шаг винта» пришел к нам по почте, в самотеке, и как раз когда издательство было на грани разорения. Коан лично читал все присланные рукописи. Говорят, он прочитал «Шаг винта» и, опередив всех, купил на него права. А вам известно, что он заложил квартиру, чтобы получить кредит на первое издание в пять тысяч экземпляров?

– Рискованный шаг. Как же он отважился?

– Если бы вы прочли роман Мауда, то поняли бы. Не книга, а финансовый рог изобилия. Но и это еще не все.

– А что еще? – Эльза тоже наклонилась к Давиду, и лица их едва не соприкоснулись.

– Думаю, вы все равно скоро узнаете.

– Что?

– Томаса Мауда, кроме Коана, никто никогда в глаза не видел.

– Да... я вроде читала, что он никому не дает интервью.

– Не в интервью даже дело, – возразил Давид, – а в том, что неизвестно, кто он такой. Даже адреса ни у кого нет – только у Коана лично. Вы вот видели здесь Томаса Мауда?

– Нет. Значит, он связывается только через Коана? А почему?

– Писатели вообще народ странный. Вероятно, Томас Мауд просто хочет сохранять инкогнито и заключил с Коаном такой договор. Это наиболее правдоподобно из всего того, что о нем говорят. А говорят разное – от предположения, будто таинственность Мауда не более чем рекламный трюк, до допущения, что автор просто умер, дописав роман.

– Вообще странно для писателя скрываться, правда?

– И до него многие знаменитости сторонились публичной жизни. От Сэлинджера, автора «Над пропастью во ржи», до Томаса Пинчона.

– Но зачем?

– Да ведь от людей порой просто на стенку лезешь. Толкину читатели звонили в любое время дня и ночи рассказать, в каком они восторге от его «Властелина колец». Находились и такие, что тайком проникали в его оксфордский дом, надеясь стащить там что-нибудь на память. И все же я думаю, что причина отшельничества многих писателей совсем не в навязчивости людей.

– А в чем же?

Давид просто не знал, что и думать об этой женщине. Как Коан умудрился найти секретаршу, которая совсем ничего не знала ни об издательстве, ни о его гордости – «Шаге винта»? Она сидела на рабочем месте, к нему, естественно, стекались все издательские новости, именно ей первой становились известны местные секреты. А может, догадался он, Коан искал как раз такую, как она, – нелюбопытную простую женщину без особого интереса к внутренним делам издательства.

– Ну, порой необходимо одиночество. Люди бегут от толпы. Писательство – дело непростое, тонкое, требует уединения, страдает от настырного внимания людей.

– Теперь понятно, почему Мауд пробуждает у людей подобный интерес.

– Да. И не будем забывать, что первые пять книг его саги просто великолепны.

– Но она еще не закончена...

– Мы издали пятую из семи заявленных автором, но мне кажется, что единственный человек, который точно знает, сколько их будет, это Коан.

– Да, мне надо все-таки прочитать ее.

– Обязательно. Хотя бы потому, что именно эта книга спасла издательство, в котором мы с вами работаем.

– Подумать только, какая-то книга может так повлиять на жизнь!

– Она не какая-то. Когда читаете, то поймете, что она влияет на вас, как уже повлияла на миллионы людей.

– А вы не преувеличиваете, сеньор Перальта?

– Нет. Разве с вами так не бывало, что прочитанная книга словно говорила вам что-то... совсем как живой человек?

– Никогда.

– Со мной тоже не случалось, – признался Давид, – до тех пор, пока я не прочитал «Шаг винта». Вот почему я завидую вам. Ведь вам еще предстоит ее прочитать.

Секретарша тихонько хихикнула:

– Вам надо возглавить рекламный отдел, сеньор Перальта. Вы хорошо обрабатываете покупателя.

Дверь кабинета открылась, и выглянул Коан. Эльза и Давид отпрянули друг от друга, как ученики, которых застали на контрольной списывающими задачку. Коан сделал вид, будто ничего не заметил.

– Давид, прости, что заставил ждать.

– Что вы, сеньор Коан!

Проходя от стола к двери, Давид снял с полки книгу и протянул ее Эльзе. Оба знали, какая это была книга, даже не глядя на обложку.

– Возьмите, читайте и наслаждайтесь.

– Спасибо, – кивнула Эльза.

Кабинет Коана занимал не менее шестидесяти квадратных метров. Его собственная квартира могла поместиться здесь целиком. На полу стояли столбики и башенки из книг и разнообразных рукописей. На столе громоздились в невообразимом беспорядке горы бумаг. Вдоль плинтуса тихо, как боязливая мышь, крался телефонный провод. Давида удивили, однако, не беспорядок в кабинете и даже не осунувшееся, вдруг постаревшее лицо главы издательства, которого последний раз видели вполне благополучным и здоровым, а присутствие в кабинете чужого – человека с громоздким электронным прибором. Давид никогда его прежде не видел. Человек ходил вдоль стен, таская прибор на себе, и длинной, как у миноискателя, ручкой водил по ним, не пропуская ни сантиметра, словно что-то хотел обнаружить. Коан дал знак подождать, пока человек не закончит работу.

– Все чисто, сеньор Коан. Беспокоиться не о чем. На всякий случай еще скрамблер вам подключил, чтобы исключить дистанционное прослушивание.

– Отлично. Спасибо. Чек получите у секретарши.

Тот вышел, а Коан закрыл за ним дверь и задумчиво побрел к столу. Давид, сохраняя невозмутимость, умирал от желания узнать, что происходит и почему для их беседы понадобились чрезвычайные меры безопасности. Коан долго выравнивал на столе стопку бумаг и наконец проговорил:

– Давид, эта встреча будет не совсем обычной. Я хочу тебе кое-что рассказать, а ты для этого сначала должен согласиться на определенные условия.

– Конечно. Не беспокойтесь. Какие условия?

Давид не решился обращаться к Коану на «ты».

– Прежде всего напомним тебе о нескольких пунктах трудового договора, который ты подписал, устраиваясь в издательство. О конфиденциальности всей рабочей информации. Помнишь?

– Разумеется. Я никогда не нарушал их.

Коан улыбнулся:

– Там написано, что ты не должен доверять конфиденциальную рабочую информацию никому, включая собственную супругу и авторов, с которыми работаешь.

Давид кивнул.

– Так вот, – продолжил президент, – никогда еще не было так важно соблюдать данные пункты договора, как сейчас. И тебе, и мне. Тебя, кажется, заинтересовало, кто находился у меня в кабинете, когда ты вошел.

– Это не в моей компетенции.

– Оставь! Нам сейчас не до протокола! Заинтересовало?

– Ну да.

Давид никогда не видел президента взволнованным. О Коане со смесью иронии и почтения говорили, что в падающем на землю горящем самолете он будет все так же хладнокровно заполнять клетки своего кроссворда.

– Так вот, человек искал прослушивающие устройства и ставил защиту от возможных попыток подобного рода. Я специально показал это тебе, чтобы ты осознал важность того, что здесь прозвучит. Что бы я тебе ни сказал, что бы ни произошло в дальнейшем, что бы ты об этом ни думал – при всех обстоятельствах сказанное должно остаться тут, в этих стенах.

– Буду нем как могила.

– Вот и хорошо. Я и не сомневался. Знаешь, Давид, ты еще не вернулся из Лиссабона, а мне уже позвонил Лео Баэла.

Давид занервничал. Что такое, зачем он вздумал звонить в издательство?

– Он признался мне, что у него были неприятности – и личные, и творческие, и рассказал, как ты помог ему выйти из них. Как ты, не жалея себя, увел его с вечеринки, которая бы его непременно скомпрометировала. Более того – ты помирил его с женой. Это правда?

Давид саркастически представил, как Лео, страшно преувеличивая, живописует грозных великанов в виде мельниц, против которых выступает отважный Давид с мечом в руке, спасая бедного пьяного Лео... увозя его в такси... укрывая собственным пиджаком. А вот что Инес вернулась к Лео, это хорошая новость.

– Ну, я бы сказал, что у Лео был кризис и он благополучно миновал.

– Хорошо, что в издательстве есть такие люди, как ты. Практичные, трезвомыслящие, изобретательные, умеющие решать проблемы прямо на месте действия. Работать легче, и чувствуешь себя более защищенным, когда такой человек есть под боком, правда? Я уверен, что наши авторы чувствуют то же самое. Они смотрят на нас в надежде, что у нас имеются ответы на все их вопросы. По природе своей уязвимые, не уверенные в себе и практической стороне жизни, они могут погибнуть, если мы ослабнем или отступимся. Им нужен тот, кто будет рядом и поможет в трудную минуту.

– Это о любом человеке можно сказать. Никто не отвергает помощь в трудную минуту, и все готовы потом поворчать, что помощь была недостаточной.

– Точно! – воскликнул Коан. – Ты прав! Я тебя пригласил... я хочу тебе сказать, что... ты помнишь про конфиденциальность?

– Разумеется, сеньор Коан. Вам не о чем беспокоиться.

– Хорошо. Рад слышать.

Коан снова сделал паузу, которая длилась для Давида целую вечность.

– Наш разговор, Давид, будет о Томасе Мауде.

Давид слегка опешил от резкой смены темы. Какое он имеет отношение к Томасу Мауду? Он-то ждал, что сейчас ему объявят о повышении и он отправится к Сильвии, сообщит, что все их проблемы решены. Что у них наконец родится ребенок.

– Ты наверняка знаешь, что Мауд не любит публичной жизни и живет отшельником, скрывая свою личность. При всем желании невозможно отрицать, что именно его сага поставила на ноги наше издательство, принесла нам успех. У нас теперь много хороших авторов, но звездой на нашем небосклоне, главной читательской приманкой остается Мауд.

– Несомненно, – кивнул Давид.

– О Мауде и его отношениях с нашим издательством ходит много слухов и легенд. Одни придуманы досужей, падкой на сенсацию публикой, другие – завистливыми коллегами. Я хочу рассказать тебе все как было, с самого начала. Тогда мне будет легче объяснить остальное.

Он усадил Давида и сам развалился напротив, заскрипев черной кожей своего огромного кресла.

– То, что мы сегодня называем «Издательство Коан», начиналось девятнадцать лет назад. Нас было трое, и каждый внес свой пай. Частью собственными деньгами, частью добытыми в

боях кредитами мы подняли дело – тогда под названием «Наутилус». Если ты думаешь, что это предел безвкусицы, я первый соглашусь с тобой.

Давид слушал так напряженно, что не открыл бы рта не только для осуждения названия «Наутилус», но и для вздоха.

– Мы опубликовали шесть книг, почти не получив с них прибыли. Маленькое никому не известное предприятие... новые авторы предпочитали, сам понимаешь, солидные издательства с репутацией. Это было время ожесточенной бедности. Мы экономили на всем. Авторы не получали авансов, взамен мы им давали проценты с продаж. Не прошло и полугода, как мы уяснили одну неприятную, но бесспорную истину: никто и никогда о тебе не узнает, если ты не сделаешь какой-нибудь сильный ход. Твои авторы должны получать престижные премии. Или еще что-нибудь. В общем, надо мощно вложиться в продвижение издательства.

Это были годы учебы, и причем жестокой. Мы вышли из этой драки все в шрамах. Часть авторов той поры сейчас канула в забвение, другие ушли в издательства, которые могли платить им по их действительным заслугам. Пойми, я никого не осуждаю и не хвалю. Время было трудным для всех – и для нас, и для них. Третий год сплошных битв и провалов оба моих компаньона не пережили – ушли из дела, и я выплатил им их доли – надо сказать, ничтожные, даже для того времени. Не потому, что я такой крутой негодник, просто издательство тогда ничего не стоило.

Я сохранил иллюзии и верил, что уж следующая-то книга принесет большой успех. Тут появился автор, да... мы с ним проработали над романом три месяца – у меня дома, поскольку помещение издательства я сдал и на эти деньги просто-напросто жил, больше не на что было. Кроме того, единственным сотрудником предприятия в ту пору являлся я сам. Секретарши сбежали в другие издательства – помню, как я обрадовался, когда они мне об этом сообщили. И вот после трех месяцев такой работы у нас появился отличный роман.

– И что, хорошо пошел? – спросил Давид.

Коан задумчиво молчал, глядя в окно и вспоминая что-то.

– Да, недурно, – ответил он. – Ты наверняка слышал о нем. Это был Хосе Мануэль Элис и его «Пора жасминов».

Давид растерялся. Он-то думал, что речь идет о Мауде и «Шаге винта». Конечно, «Пору жасминов» он прочитал восемь лет назад. Прекрасный роман.

– Я не знал, что вы публиковали Элиса. Изумительная книга.

– Да, хороший роман, – довольно улыбаясь, заметил Коан. – И успех был большим. Только не мой. Я-то опубликовал его за три года до того, как он прославился. Денег на рекламу не было совсем, и я просто сам рассказывал о нем всем, кто соглашался слушать, особенно критикам. Рецензии печатались блестящие, а продаж не было. Менее двух тысяч экземпляров в год, а через полтора года истек срок нашего договора и автор забрал свои права.

Давид наблюдал, как менялось лицо собеседника. Оно уже не было таким, как пятнадцать минут назад: приятное воспоминание разгладило глубокие, как борозды, морщины, ослабило напряжение мышц. Он снова, в целительной ностальгии, переживал лучшее время жизни.

– Да, Хосе Мануэль Элис. По-настоящему большой писатель. Мы и сейчас перезваниваемся. Он ушел от меня в издательство «Аранда», они опубликовали книгу с большой рекламной подготовкой. Вот тогда его успех был оглушительным. Когда все это произошло, я подумал, что моя издательская карьера пошла коту под хвост. Глядя правде в глаза, следовало признать: это был провал, разгром по всем пунктам. Я потерял пятнадцать миллионов песет на проекте, в который вложил, кроме них, время жизни, труд и множество иллюзий. Утрата такая же тяжелая, как пятнадцать миллионов, поверь мне.

Сейчас развелось множество издательств, которые успешно делают деньги на откровенно плохих книгах, – лишь бы имя автора было широко известно. Все сводится к цифрам: тиражи, продажи, количество языков, на которые сделаны переводы, количество стран, куда проданы

права, количество премий... И мне искренне жаль того, чего у них совсем нет и что подвигло нас создать издательство «Наутилус». Я думаю, что этот дух утрачен, и навсегда. Рынок – это конкуренция, если продажи падают, ты тонешь вместе с ними... я думаю, мы нарекли себя со зловещей точностью. Пророчество сбылось, и я, как капитан Немо, пошел на дно вместе с «Наутилусом».

Однажды в пятницу я сидел у себя дома, в грязной рубашке, перед чашкой остывшего кофе, и читал в газетах страницы с объявлениями о вакансиях. В дверь позвонили. Почтальон принес здоровенный пакет, килограмма на полтора, который пришел на адрес бывшего помещения издательства – мне его оттуда любезно переадресовали нынешние его наниматели, разумеется, наложенным платежом. Клянусь, я едва не послал почтальона вместе с его почтой ко всем чертям. Если бы в бумажнике не нашлась одна из последних моих мелких купюр, я б так и сделал. А в пакете я обнаружил вот что.

Коан открыл сейф позади своего кресла и вынул оттуда пачку пожелтевших страниц в пластиковой папке. Сквозь ее прозрачную обложку Давид прочитал название и непроизвольно провел по нему пальцами – таким жестом касаются могильной плиты с именем любимого человека.

– В романе было около шестисот страниц. Название – «Шаг винта», автор – Томас Мауд, очевидный псевдоним. Я оставил распечатанную рукопись на столе и продолжил поиски работы. Был вечер пятницы, делать нечего, настроение – ложись да помирай, звонить работодателям поздно, звонить знакомым не хотелось. Я достиг самого дна отчаяния и не собирался ни с кем его делить. В общем, я принялся читать присланный роман, не ожидая ничего хорошего – просто чтобы отвлечься. Прочитал первую главу. Потом вторую. И, не заметив этого, третью, четвертую и пятую. За ночь я одолел около четырехсот страниц, а когда наступил день, продолжал читать не отрываясь.

Тебе, Давид, не надо объяснять, что я при этом чувствовал. То же, что и другие читатели этой книги, только во много раз сильнее. Потому что автор прислал эту книгу мне, а я был, что ни говори, издатель. Пусть и разоренный. Роман, который я держал в то утро в руках, значил для меня больше, чем деньги: он был возможностью опубликовать большую книгу. Я был уверен в успехе, как никогда. Невозможно было представить, чтобы кто-нибудь прочитал его и не почувствовал хотя бы сотой доли того же восхищения, что я сам.

Для издания пришлось просить еще один кредит. На сей раз квартиру заложил мой брат. Знаешь, как я его убедил? Дал прочитать «Шаг винта». Потом уговаривать не пришлось. Сейчас-то он отгрохал себе огромный дом, почти замок, и дает, что ни субботний вечер, приемы с барбекю. А тогда мы наскребли только на тираж в четыре тысячи экземпляров. Затем я пустился во все тяжкие, методично обзванивая тех, кто имел отношение к критике, журналистике, издательскому делу и литературе вообще, всучивая им по экземпляру с просьбой прочитать. Тогда я не оставил без звонка ни одного из тех, кто был в моей записной книжке. И вот в какой-то момент возник обратный процесс: мне звонили порой незнакомые люди и просили экземплярчик для знакомства и рецензии. С радио, из газет, включая региональные и местные многотиражки, из журналов и клубов. Очень скоро у меня иссяк запас, хранившийся дома, и я посылал их всех в книжный магазин. И они шли и покупали. Повалила и публика.

Второе издание потребовалось уже через два месяца. Издательство «Наутилус», впрочем, тогда уже издательство «Коан», впервые в своей практике делало переиздание. Потом еще и еще. Продали более двух миллионов экземпляров. С этой цифрой можно было уже ехать во Франкфурт, а там мы встретили толпу заинтересованных в правах на перевод. Я был не только издателем, но и литагентом Томаса Мауда, так что со всех продаж, во всем мире, мне полагался процент. Я мог расплатиться с братом и немедленно ему это предложил, но он не взял денег. Предпочел роль совладельца, и мы стали издательством «Коан». Я не возражал:

в конце концов, разве брат за меня не поставил на кон свою шкуру? И фамилия та же, Коан. Мы переехали в более просторное помещение, а через пару лет в это здание на Серрано.

Нашли персонал: секретарей, редакторов, бюро по отбору рукописей... Все, что нужно издательству, чтобы развернуть работу по поиску авторов и публикации книг. Деньги, полученные от продажи первой книги Мауда, мы вложили в продвижение новых талантов. Другие издатели и критики смотрели на нас теперь иначе. Мы устраивались на рынке со всеми удобствами. Становились важной частью книгоиздательского и литературного дела в нашей стране.

Через два года вышел второй том, продолжавший сагу Мауда, и поднял еще одну волну успеха. Читатели не могли дождаться продолжения. Никто не видел ничего подобного с тех пор, как Гладстон опоздал на заседание британского парламента, потому что дочитывал «Женщину в белом» Уилки Коллинза. Разумеется, мы использовали тему вовсю – футболки, кофейные кружки, в общем, полный мерчендайзинг, как теперь говорят. Включая рекламу будущего фильма по роману. Со всего этого мы имели процент, а уж сам Томас Мауд... Ты не представляешь. Теперь он один из самых богатых писателей в мире. С ним, с нашим единственным автором, мы поднялись к самой вершине.

А для меня всего важнее, что его книги не только расходятся выше всяких ожиданий, но и входят в число по-настоящему хороших книг, книг на все времена. Ни одна многотомная сага не пользовалась таким бешеным успехом, сравнимым разве что с успехом «Трех мушкетеров» и «Властелина колец». Через два года вышел второй том, за ним, с интервалом в два года, – третий, четвертый, пятый. И публика требует еще и еще.

Давид терялся в догадках, зачем ему рассказывают все эти интересные, но не имеющие к нему отношения подробности. Коан уловил его недоумение:

– Давид, я ввожу тебя в курс дела с самого начала, потом поймешь, для чего.

– Конечно, сеньор Коан, – ответил он, решивший вооружиться терпением и спокойно слушать все, что ему скажут.

– Ну вот, я говорил, что мы издавали продолжение саги Мауда каждые два года. Вышли пять томов, и продолжение следует. Только оно следует вот уже четыре года. Четыре года – а следующей рукописи нет. Публика во всем мире ждет. Кинематографисты, литературные журналы, радиостанции, а главное, читатели – все обрывают мне телефон и дают, дают: где шестой том эпопеи, почему его нет уже четыре года? Они выбили из меня обещание, что книга выйдет в ближайшие полгода. Сам знаешь, видел наши анонсы. И вот тут-то ты иходишь в сюжет. Дело в том, что шестой том не готов.

– Что вы имеете в виду? Редактуру? Надо поработать над подготовкой текста к печати? – Давид едва сдерживал возбуждение.

– Не совсем так, Давид.

– Что же тогда? У Томаса Мауда творческий кризис, и вы хотите, чтобы я ему помог?

– Давид! Я хочу сказать, что книги нет! У нас шесть месяцев до выпуска текста, которого нет вообще! Я его в глаза не видел, представления о нем не имею, понимаешь? Что с нами будет, если мы не сдадим книгу в срок? Мы продали права во многие страны. Подписаны договоры, переводчики сидят и ждут. Если мы не добудем этот текст, нам конец.

Его лицо, на время смягчившееся, пока он рассказывал об истории издательства, снова стало жестким, прорезались глубокие морщины, провалились, потемнели глазницы. На лоб упали пряди волос. Давид, который пока не понял, чего именно Коан от него хочет, видел, однако, что тот в помощи отчаянно нуждается и ситуация сложная.

– Ну так скажите, – наконец решился Давид, – чем я могу помочь? Съездить к Мауду, выяснить, что там у него стряслось, в каком состоянии текст. Мне не впервой успокаивать неврастеничных авторов, не уверенных в себе и в совершенстве своего произведения.

– Не так это просто. Ты представления не имеешь, до чего непросто. То, что я тебе сейчас рассказал, знают очень немногие; то, что я скажу тебе сейчас, знают только два человека на свете.

Ты, конечно, знаешь, что Томас Мауд эксцентричен, капризен, нелюдим, помешан на полной приватности своей жизни. Никаких презентаций, интервью, встреч с читателями, автографов. Одни считают, что он житель большого города, ездит в метро и наблюдает жизнь, наслаждаясь анонимностью, другие – что Мауд закрылся от мира в глухой деревне и не выезжает в город, питая к нему нечто вроде фобии. Многие полагают, что он не желает контактов с другими писателями, ставит их ниже себя, чтобы не ронять своего достоинства. Часто слышишь о каких-то письмах, которые он кому-то якобы написал, но до обнародования их дело никогда не доходит. Наши конкуренты регулярно распускают слухи, будто сагу сочиняет никому не известный «литературный негр», которого я хитрым образом закабалил и обязал молчать об этом. Я слышал, как упоминались колоритные детали вроде цепи, какой он у меня прикован к столу с компьютером, ну и, наверное, плетки... В общем, сага создана путем угроз, насилия и шантажа.

Ты можешь узнать правду: ничего подобного. Если бы так... я, по крайней мере, давно знал бы, в каком нахожусь положении, и обошлось бы без бессонных ночей. Сначала я не возражал против подобных слухов, даже самых нелепых. Люди выдумали вздор и свято в него верят, ну так нам же легче: меньше опасного любопытства. Никто меня не тревожил, кроме пары самых неукротимых журналюг из таблоидов, да и те ничего не выяснили. А Томас Мауд на самом деле... Я столько лет молчал об этом, что сейчас просто не решаюсь произнести. Это прозвучит странно... и вообще это произносить опасно. То, что ты сейчас узнаешь, может в одну минуту пустить издательство «Коан» ко дну. Вот они, все эти премии, которые непрерывно присуждали Мауду. – Коан указал на книжные полки, где громоздились небрежно представленные награды. – Люди думают, будто я редактирую его, как ты Лео Баэлу, и помалкиваю. За эти годы как-то само собой установилось, что я – единственный, кто знает Мауда лично. Так вот: никто не знает Мауда лично. Я тоже.

Давид пытался собраться с мыслями. В висках тяжело стучало. Никто не знает? Невероятно. Он шутит? А главное, зачем его-то, Давида, сюда вызвали? Может, Коан предполагает, что ему, Давиду, известно что-нибудь важное?

– Никто не знает? – Голос Давида звучал почти обвиняюще, словно Коан был лично в этом виноват. Тут он осознал, что выговаривает шефу, и замолчал.

– Да, я лучше всех понимаю это. Ведь именно я уже четырнадцать лет ищу какого-то объяснения тому, как это дикое положение вещей могло сложиться. Ищу по сей день и не нахожу. Однако теперь размышлять над объяснениями поздно, надо действовать. Решать вопрос. Я умолчал о том, что еще нашел в пакете с текстом романа. Вот это.

Коан открыл сейф и показал Давиду письмо, упакованное в пластиковую папку. Положил его подчеркнуто четким жестом на стол рядом с рукописью. Как в суде вещественное доказательство, подумал Давид. Он вперил жадный взгляд в бумагу под слоем прозрачного пластика. На конверте надпись четким, тонким почерком: «Издателю».

– Извини, – произнес Коан, – я не могу дать тебе прочитать само письмо. По крайней мере, не сейчас. Но скажу, что в нем. Письмо адресовано любому издателю, который получит рукопись. В нем просьба прочитать роман, а в случае публикации положить причитающиеся автору суммы на его счет. Указывались точные реквизиты. Другая просьба – никогда не искать личных контактов. И все. Только подпись внизу страницы.

Порой мне кажется, что если бы я сначала прочитал письмо, то вряд ли взялся бы за рукопись. Согласись, есть нечто высокомерное в этом номере счета – словно он нисколько не сомневался, что роман будет опубликован. Позднее я уже не относился к этому жесту так нетерпимо. В конце концов, гениальный автор всегда знает, что именно он написал, отдает

себе отчет в своей гениальности. Томас Мауд тоже хорошо представлял, что у него в руках и сколько оно стоит. И предугадывал, как станут развиваться события.

Вот так это и было, Давид. Я опубликовал «Шаг винта», не зная, кто его автор, не видев его в глаза, не обменявшись с ним ни единым словом. Опубликовал, потому что не опубликовать было просто невозможно. Когда пошли дивиденды, я перечислял их на указанный счет. И никогда не пытался связаться с автором лично – главным образом потому, что не знал, как это сделать. В письме не было обратного адреса и телефона, на конверте – почтового штемпеля. Чуть менее добросовестный человек просто опубликовал бы текст под любым псевдонимом, и не видать тогда Томасу Мауду своих денег.

Но подобная кража дала бы вору меньше, чем мне – моя щепетильность. Первый роман оказался частью саги. Когда пришел успех – никто не ожидал, что он будет таким огромным, даже я – и люди потребовали продолжения, через два года по почте пришел еще один пакет. Я просто глазам не верил. Но было именно так. Рукопись второго тома. Письмо. От меня требовалось то же самое – чтение, решение, деньги на счет, тот же самый, и не искать контактов. Я опубликовал и перечислял автору все возрастающие денежные суммы. И так каждые два года: пакет, письмо, публикация, растущие читательские восторги во всем мире, перечисление денег.

Я подспудно понимал: все это как-то слишком. Неимоверный успех саги, неправдоподобный, однако длящийся уже десять лет фарс с Маудом-невидимкой... Когда каждые два года снова подходил срок появления следующей рукописи, я просто терял сон. Успех издательства, мой успех был так странно непрочен... словно подвешен на тонкой нити, которая скоро порвется. И тогда все рухнет. Это и случилось. Четыре года назад. Томас Мауд исчез с горизонта. Не писал больше писем, не присылал продолжение саги, никак не проявлялся. До конца повествования еще два тома. Я здесь сижу сложа руки и жду невесть чего – поверь, это были два года сплошной пытки, нет ничего хуже, чем бессильное ожидание, – сижу и не могу связаться с автором и узнать, в чем дело. Он перестал сочинять? Или просто пока не закончил шестой том? Обиделся на нас за что-то? Иногда я представляю, как эти две папки с продолжением саги пылятся в каком-то ящике... А вдруг он умер, а мы и не знаем? И не узнаем. Никогда ничего о нем не узнаем. Когда речь идет о Томасе Мауде, возможно все. Давид, я прошу тебя о помощи.

– Какой? – спросил молодой редактор.

– Вот уже месяца два, как я принял решение выяснить, кто такой Мауд и почему он больше не появляется. Решил не только из-за горящих сроков и грозящего нам разорения – из-за того, что я просто боюсь за свое душевное здоровье. Я нанял детектива, специализирующегося на поиске пропавших людей. Конечно, полностью обстоятельств дела я ему не открывал. Он узнал, что пакет был не отправлен с того почтового отделения, какое указано на штемпеле, а лишь переслан ими по получении откуда-то еще. Да, есть такая странная почтовая услуга – скрывать подлинный адрес отправителя. Прямо как в шпионских фильмах. В общем, детектив выяснил все же, откуда рукопись отправили первично. Это Бредагос, деревня в долине Аран, в Пиренеях. Четыреста человек населения. Среди них, как и следовало ожидать, никогда не был замечен никакой Томас Мауд.

Давид сообразил, чего от него хочет Коан. Он и боялся предложения президента, и ждал его всей душой. Коан сделал паузу, глядя в упор на молодого человека, как бы проверяя, хорошо ли тот его понял.

– Давид, необходимо, чтобы ты поехал в эту пиренейскую деревню и нашел Томаса Мауда.

Давид почувствовал себя персонажем типичного детективного сюжета. Со шпионско-политической окраской. Шакал, мы поручаем вам убить де Голля. Майор Ван Дамм, ваше задание – найти и обезвредить Алекса Вольфа. Джон Престон, вы должны выявить и задер-

жать лицо, которое попытается провезти через границу радиоактивные материалы. А ты, Давид Перальта, отправишься в Пиренеи и найдешь в Бредагосе Томаса Мауда.

– Но почему я? – растерянно спросил он. – Разве тот детектив плохо справился с задачей?

– Да ведь найти Мауда лишь полдела. Надо с ним поговорить, а главное – привезти продолжение саги! Ты уполномочен издательством принять все его условия. Слышишь? Все. Деньги, если он хочет еще денег, – любые. Желает продолжать скрываться – пожалуйста. Нужна ли помощь в любом виде – немедленно будет. Только пусть пришлет следующий роман. Нам необходимо продолжение саги. Ты будешь с ним сердечен, искренен, будешь целиком на его стороне, намекнешь, что мы понимаем его проблемы и вообще свои в доску. Что может сделать бестактный сыщик? Только испугает. Нет, нужен человек с твоим опытом, который автора поймет, его проблемы разрешит, текст от него привезет. Разве смог бы я рассказать детективу то, что рассказал тебе?

– Почему нет?

– Ты работаешь здесь. Договор, который тебя связывает, определяет твою карьеру, репутацию, всю твою жизнь. А детектив сегодня принял мое предложение, а завтра – чье-то еще, более выгодное. Ищи потом ветра в поле.

– Ясно, – кивнул Давид.

Вот, значит, почему в начале беседы его похвалили за умелую работу с Лео Баэлой. В телефонном разговоре с Коаном Лео создал его идеальный образ, Коан преподнес его Давиду, тот польщенно согласился, и теперь поздно возражать: именно Давид и есть тот, кто нужен издательству в деле с Маудом. Ловко.

– Не захочет дать рукопись, упрется – слегка надави. Тип вроде него, погруженный в себя, созерцательный, должен панически бояться журналистов и поклонников, – так ты пригрозил, что мы откроем его инкогнито, если не предоставит нам текст.

– Да что вы такое говорите! – воскликнул Давид.

– С чего ты взял, что мы действительно сдадим его публике? самого богатого писателя в мире? Да и как мы сами будем при этом выглядеть? Хорошенькая выявится подноготная у издательства «Коан», нечего сказать. Нет, Давид, этого никогда не будет. Ты бы постарался меня понимать потоньше. Поточнее.

– Ладно, а как же мне его там искать? Приехать, пойти по домам и спрашивать Томаса Мауда до тех пор, пока кто-нибудь не ответит: «Да, это я»?

– Разумеется, нет. Приедешь инкогнито, внедришься в жизнь деревни, определишь его и проведешь беседу. Тонко. Без насилия.

– Без насилия, вы сказали?! – Уж не думает ли Коан, что он, Давид, мечтает о подвигах наемного убийцы?

– Я имею в виду, что ситуация не должна показаться ему угрожающей. Ты же знаешь писателей. Угроза должна быть последним, отчаянным средством. Только если не сработают ни просьбы, ни подкуп.

– Да я ничего о нем не знаю, даже как он выглядит. Кого мне искать? Положим, деревня невелика, но мы совсем не имеем его примет.

– А вот тут ты ошибаешься. Одну, но яркую его примету мы знаем. Очень редкая особая примета.

– Вы не устаете меня изумлять, сеньор Коан, – устало заметил Давид. – Я уж думал, сюрпризы на сегодня закончились – оказывается, нет.

– А ты как думал? Моя жена часто говорит мне, что с сюжетостроением у меня все в порядке. Поможешь мне, Давид?

Давида не обманула вопросительная форма последней фразы.

Глава 4

Приметы

На подземных этажах жандармерии легкий сквозняк, гуляя между дверей, разносил запах антисептика и уносил его наверх по вентиляционным шахтам. Белый купол замыкал сверху насквозь простерилизованное пространство, выложенное белым кафелем. На сверкающих металлических столиках лежали десятки металлических полезных приспособлений, аккуратно прикрытых безупречно гигиеничной зеленой тканью.

Доктор химических наук Мануэль Альваро, служивший в жандармерии экспертом криминанологической лаборатории, был другом Коана со студенческой скамьи, обладателем сверкающей лысины и веселых глаз за стеклами очков без оправы. Небольшой рост и тихий голос плохо маскировали его неукротимую энергию, а с рукописью первого тома «Шага винта» он обращался с ловкостью, выработанной годами практики.

– Мы, конечно, обработали не все страницы документа, – говорил доктор Альваро. – Ведь каждый новый отпечаток порождает больше вопросов, чем ответов: надо искать того, кто его мог оставить. Нас интересовали повторяющиеся отпечатки на схожих местах страницы. То есть оставленные предполагаемым хозяином рукописи. Вот он сидит перед пишущей машинкой, берет очередной лист бумаги, вставляет его в каретку: следы пальцев носят один и тот же характер и находятся примерно в одних и тех же местах.

– И что?

– Но это не оригинал, – отрезал доктор.

– Как?

– Ты расстался бы с оригиналом? То-то же. Фотокопия. А отпечатки пальцев она не берет.

– Действительно, жаль, – произнес Давид.

Коан сурово посмотрел на него, словно тот подал неверную реплику.

– Тем не менее результаты есть. Копировали уже сшитую рукопись, и приходилось переворачивать листы, получая листы копий одну за другой. Тот, кто их складывал, тоже делал однообразные движения, и мы засекли его отпечатки на листах фотокопий. По меньшей мере на тех девяноста, какие мы успели проверить. Причем шестнадцать из них годны к идентификации.

– Вы думаете, это и есть хозяин рукописи? А может, это служащий в копицентре?

– В принципе так может быть, но, здраво размышляя, понесет ли свою драгоценную рукопись в фотокопировальный центр автор, желающий остаться инкогнито? Доверится ли случайному служащему?

– И все же мы точно не знаем, – задумчиво произнес Давид, который очень серьезно отнесся к заданию Коана.

– Дело в том, что отпечатки пальцев на фотокопии и письмах совпадают, – заявил доктор Альваро тоном, исключавшим дальнейшую дискуссию.

– А отпечатки пальцев – наш единственный след к нему?

– Когда ты его найдешь, отпечатки подтвердят его идентичность.

– Но я ведь не смогу собрать отпечатки пальцев у всего населения Бредагоса!

– Тебе и не потребуется. Нам невероятно повезло. У индивида, оставившего отпечатки, есть необычная аномалия руки, которая сразу на него укажет. – Альваро сделал паузу, словно предлагал Давиду самому догадаться, что это за аномалия. Давид промолчал, и Альваро объяснил: – Анализ показывает, что у человека, который писал письма и делал фотокопии, шесть пальцев на правой руке.

– Как у Ганнибала Лектера?

– Хватит развлекаться, Давид. Ганнибал Лектер – персонаж, а Томас Мауд – автор. Думай, что говоришь, – устало сказал Коан.

– Следует ли из этого, что у Томаса Мауда шесть пальцев на руке?

– С высокой вероятностью, – ответил доктор.

– То есть как с вероятностью? – спросил Коан. – Ты не уверен? А как его искать?

– В данном случае надо применять средства не столько доступные, сколько недоступные воображению, – холодно заметил доктор.

– Ты прав, – кивнул Коан. – Надеюсь, все это останется между нами. Ты знаешь, чем мы рискуем.

– Дорогой Коан, – произнес доктор Альваро, – в тот день, когда я вдруг заговорю о том, что знаю, не твоя голова первой полетит с плеч, есть и повыше. В любом случае знаешь поговорку? Единственный способ сохранить секрет, который знают трое, – это...

– ...расстрелять двух из них, – закончил Коан.

– Точно.

На улице Карнеро, в самом сердце старинного мадридского торгового квартала, между прилавками букинистов притаилась вывеска «Эрранс. Комиссионный магазин». Маленькую лавчонку не мыли по крайней мере со времен гражданской войны. По углам и вдоль стен громоздились, почти касаясь почерневшего потолка, груды грязного, неопределимого старья. В сумраке можно было различить то детскую колыбельку середины двадцатого века, то компьютер, работавший, наверное, «с небольшими сбоями». Складывалось впечатление, что сюда стащили со всего света все, что только смогли найти пострашнее и погрязнее. Давид недоверчиво взглянул на шефа, но Коан остался невозмутимым. Слова Альваро словно еще раз прозвучали у него в ушах: «Он тебе покажется немного с приветом, так ты не смущайся. Лучшего знатока в Мадриде нет. То, чего он не знает о пишущих машинках, и знать не следует».

Эрранс, собственной персоной, находился здесь же и рылся в куче какого-то хлама. Давид не смог удержать при себе сомнения:

– Вы оставили роман этому типу?

– Господи, конечно, нет! Думай, что говоришь! Ох, ну и смердит у него тут... Ни за какие сокровища я не смог бы провести здесь восемь часов.

– Тогда что...

– Мы с Альваро оставили ему одну страницу текста. Помнишь, каков лучший способ сохранить секрет, если его знают трое?

– Да, да, – торопливо прервал его Давид, которого неприятно поразила серьезность, с какой доктор Альваро предлагал свой рецепт сохранения секретности.

Старьевщик, на ходу прощаясь с клиентом, уже подходил к ним, и Давид рассмотрел его. Маленький, он казался квадратным из-за широкого клетчатого пиджака, который был ему велик. Сальные волосы прилипали к затылку, колющий взгляд посверкивал голубым из глубоких, окруженных морщинами глазниц.

– Чего желают сеньоры? – Голос старика звучал резко, с характерной хрипотцой курильщика. Не менее двух пачек в день, решил Давид.

– Мы от доктора Альваро, – ответил Коан. – Помните, он просил вас о помощи? Нужно определить пишущую машинку, на которой напечатана рукопись?

– Документики ваши можно видеть?

Давид и Коан переглянулись. Посмотрев на предъявленный Коаном документ, старик воскликнул: «Ну вот и ладно!» – и, на ходу указывая им, куда идти, начал говорить:

– Так это вам надо определить тип машинки? Я исследовал страницу, да... были проблемы, но вполне решаемые.

– Наверное, трудно определить пишущую машинку по тексту? – предположил Давид.

– Вовсе нет. Следует тщательно учесть все особенности шрифта. Нынче люди не умеют пристально глядеть и много замечать. Положились на компьютеры, программы, сканирование. А в мире осталось множество вещей, которые даются лишь человеческому глазу и человеческой руке. Ничего особо сложного – только приложить внимание. А дальше... определить тип машинки, когда мне понятны все детали... Да это и ребенок сумеет. Не говоря уж обо мне. От первых моделей Генри Милля, который делал машинку для письма по заказу королевы Анны в 1714 году, до новейших «Оливетти» – все эти пишущие аппараты для меня открытая книга. Они индивидуальны, как людские руки.

Хозяин провел их в глубину лавки, где у него было нечто вроде крошечного кабинета, состоящего из письменного стола, двух стульев и ужасающего количества грязноватой бумаги, повсюду лежавшей грудями. Давид подумал, что перед ним уменьшенная, лишенная лоска, однако довольно точная копия кабинета Коана – но, разумеется, промолчал. На стулья уселись хозяин лавки и Коан, Давид остался стоять.

– Первой официально признанной машинкой, то есть такой, какая опережала ручное человеческое письмо, была отнюдь не эта дерьмовая штука, которую изобрел Уильям Берт. Нет, это была машинка Кристофера Шоулза, 1868 года. Через пять лет он вместе со своим компаньоном Глидденом работал на Ремингтона. Тот и прославился вместо них. Наверняка американец, хотя я не проверял.

– Простите, сеньор Эрранс... мы немного спешим. Если можно... – Коан попытался ускорить процесс.

Эрранс резко выпрямился, но ответил очень спокойно:

– Спешите? Мы теперь желаем жить быстро. Автомобили должны ездить еще быстрее, компьютеры еще быстрее работать, еда и та должна ускориться... Вот я и говорю: на детали больше глядеть некому. Не умеем. А мир состоит из деталей, сеньор Коан. И особенно это касается мира пишущих машин. А потому не торопились бы вы, сеньор Коан.

– Простите, я совсем не хотел вас обидеть, сеньор Эрранс.

– Да помолчите немного! Угломонитесь. Всему свое время. Вот, например, текст, который вы мне дали, содержит прописные наряду со строчными. О чем это свидетельствует? О том, что искомая машинка создана после 1878 года, раньше прописных не было. Собственно, этого и следовало ожидать. Если у кого и есть раритет, сделанный до 1878-го, на нем вряд ли будут много печатать. Вы знаете, что на машинках той эпохи литеры были неподвижны, а для отпечатка бумагу к ним прижимал специальный молоточек?

– Неужели возможно напечатать текст на такой старинной машинке, даже если она сохранилась? – удивился Давид.

– Вполне. Это всего лишь материальный предмет, и если за ним обеспечивался полный уход... Некоторые, в хорошем состоянии, могли бы использоваться и в наши дни, ну, конечно, пока не треснет пишущая головка. Заменить ее через сто тридцать лет после производства было бы затруднительно.

– Итак, наша машинка скорее всего моложе 1878 года? – снова попытал счастья Коан.

– Да. Скорее к делу. Оплата у меня не почасовая. Хотите и дальше лелеять свое невежество – воля ваша. На той пробе, что мне представили для анализа, буквы пропечатались с разной силой, что свидетельствует о механической машинке, поскольку в электрической, где удар идет за счет электропривода, он идентичен по силе на каждой букве. Измерение ширины каретки показало тридцать три сантиметра. Я вижу, что искомая машинка имела регулятор силы удара, позволяла устанавливать шесть различных междустрочных интервалов, могла печатать как прямым шрифтом, «цицero», так и полусжатым «элит», была снабжена механизмом набора текста с разрядкой, несколькими сменными лентами, десятичным табулятором и индивидуальной настройкой его ограничителей.

Давид и Коан обменялись беспомощными взглядами. Они и половины не поняли из быстрой, пересыпанной техническими терминами речи старика, который невозмутимо продолжал говорить с таким видом, словно не замечал их растерянности.

– И что? – нервно спросил Коан. – К каким выводам вы пришли?

Эрранс откинулся на спинку стула и взглянул на них с сожалением, как на людей, не понимающих очевидного.

– Разумеется, я пришел к выводам. Вполне определенным. Эта машинка не может быть ничем, кроме «Олимпии SG 3S/33».

– Вы уверены?

– Абсолютно. Шрифт так же ярко характеризует машинку, как человека отпечатки пальцев. Никаких сомнений. Особенно в наши дни, когда все заполнили компьютеры. Настоящая беда, если хотите знать.

– А нет ли у вас фотографии этой машинки?

– Я так и знал, что вы попросите. Вот.

Хозяин ловко вытащил фотографию из кипы бумаг и протянул ее им. Коан с Давидом уставились на изображение белой пишущей машинки с черной клавиатурой. То, что старик определил ее по единственной странице текста, казалось не то магией, не то фокусом.

– А вы знаете, что первым из великих писателей использовал пишущую машинку не кто иной, как Лев Толстой? Да, с 1885 года. Его дочь перепечатывала рукописи. Думаю, она была самой опытной из первых машинисток в Европе. Представляете, сколько у нее было практики, учитывая объем толстовских романов? А вы читали «Анну Каренину»? Мне часто приходит в голову, что я очень похож на Левина. У меня тут совсем как в его поместье, правда?

– Бесконечно вам благодарны, сеньор Эрранс, – произнес Коан, незаметно пиная Давида по щиколотке, чтобы тот поскорее выходил. – Вы проделали огромную работу. Мы вам очень обязаны. Моя секретарша пришлет вам чек.

И оба выскочили на улицу, не дав старику ответить.

Отдел графологической экспертизы в жандармерии поражал своим контрастом с лавкой старика Эрранса – и размерами, и особенно чистотой и элегантностью интерьера. Высокие книжные шкафы были заполнены папками с документами, книгами по психиатрии, психологии и философии. На большом, сверкающем полировкой письменном столе были видны только маленькая лампа, несколько ручек на подставке и аккуратный лоток для бумаг.

Сидя в кресле за этим прекрасным столом, их ждал Иван Бенет, эксперт-графолог. Высокий, одетый красиво, но без дешевого шика, он молча, бесстрастно взглянул на них – большие зеленые глаза блеснули в мягком свете лампы. Давиду показалось, будто они видят его насквозь. Иван держал в руках то самое письмо издателю, которое было вложено в первую бандероль от Мауда.

– Прежде всего, сеньоры, я должен предупредить вас, что графология не является точной наукой. Результаты наших исследований трактуются сложно, порой не вполне определенно. Всегда есть место сомнениям и вариантам. То, что я вам сейчас скажу о писавшем, – не более чем самая общая характеристика его индивидуальности.

– Что ж, мы готовы, – произнес президент издательства. – Пусть будет самая общая характеристика. Пусть у нас будет вообще хоть что-нибудь.

– Кроме того, надо знать, что сколько-нибудь корректный графологический анализ возможен на основе цельной страницы, исписанной рукой человека в нормальных условиях и при нормальном состоянии здоровья, причем испытуемый не должен знать о том, что написанное им будет анализироваться графологом.

– Все это соблюдается, – заметил Коан. – Кроме того, нам в любом случае придется удовлетвориться тем, что мы имеем.

– Хорошо. Я вижу, что странице немало лет. Когда она была исписана?

– Четырнадцать лет назад.

– Это тоже помешает корректности трактовки. Почерк у человека меняется со временем. Мы пишем по-разному в школе и во взрослом состоянии, в молодости и в старости. Данное письмо даст нам графологический портрет человека четырнадцатилетней давности.

– И с этим нам придется смириться.

– Ну так вот: каждую букву мы делим на четверти – верхнюю правую, верхнюю левую и соответственно две нижние. Форма верхней части буквы свидетельствует о духовных потребностях, а нижней – о телесных и подсознательных. Правая часть буквы трактует мужскую сторону личности, активную, целеустремленную, а левая – женскую, чувственно-созерцательную. В нашем случае мы имеем в основной линии почерка тенденцию к повышению линии, что говорит о гордости, наличии идеалов, чувстве собственного достоинства.

– Ясно, – кивнул Давид.

– Пожалуйста, не перебивайте меня. Всякая реплика вмешивается в мое рассуждение и влияет на правильность выводов.

– Извините.

– Движение, которым мы выводим букву на бумаге, складывается из девяти элементов: штриха, нажима, характера соединений, основных и вторичных частей буквы, надстрочных и подстрочных петель, начального и конечного росчерков.

Бенет загибал пальцы по мере своего размеренного перечисления, и Давид вновь почувствовал себя профаном, беспомощно старающимся что-либо понять. Словно записанная, мучительно воспроизводилась одна и та же сцена – сначала у Альваро, потом у Эрранса, теперь у Бенета. Интересно, чувствует ли то же самое Коан? Если и так, он это успешно скрывал.

– Буквы у него четкие, то есть нет наездов элементов одной буквы на другую. Мы обычно трактуем такое свойство почерка как следствие личностной уравновешенности, рационализма, ясности сознания. Далее, почерк крупный, средняя величина букв четыре с половиной миллиметра, это свидетельствует о том, что писавший – человек образованный, с независимым характером и чувством собственного достоинства, хотя порой крупная буква указывает и на извращение данных свойств – тщеславие, даже манию величия. Буквы вытянуты в высоту, нитевидны, часто обнаруживают выразительные вариации в форме – значит, писавший склонен к импровизации. Нажим легкий, означает общую склонность к идеализму в характере человека. Общая линия – восходящая, что указывает на артистизм. Она встречается у художников, скульпторов, людей с развитым воображением. Почерк выраженно округлый, такой часто бывает у обаятельных, светских людей, хотя порой это признак просто легкомыслия и распутства.

Анализируемый почерк, как мы говорим, медленный – размеренный, неторопливо развивающий свой ход. Я бы сказал, не быстрее ста двадцати букв в минуту. Я трактую подобный темп почерка как черту созерцательности и чувствительности – но также и ленивого пренебрежения. Он бывает у людей, занятых умственной работой. Левый наклон сигнализирует о решительности и инициативности, на которые при случае вполне способен пишущий. Могу поручиться также за его леворукость. Очень удивлюсь, если это не левша. Большая буква у него всегда четко связана со следующей строчной: значит, это скорее альтруист и идеалист, при этом человек решительный и волевой. Вот что я мог бы с большей или меньшей вероятностью извлечь из образа, который мне дали. Если будет текст большего объема, возможно, выяснится кое-что еще. А пока это все, что я могу сказать.

Давид и Коан изо всех сил сохраняли самообладание, слушая такую подробную характеристику, выведенную Бенетом из анализа единственного исписанного листочка. И этот человек еще сожалеет, что не сказал больше!

– О, я полагаю, этого пока достаточно для начала, – наконец произнес Коан.

– В общем, можно утверждать примерно следующее: мы имеем дело с образованным идеалистом рационального типа, склонным к импровизации, светским и обаятельным до игривости, чувствительным и с незаурядным даром воображения. Можно уверенно утверждать, что он левша. Я бы с удовольствием продолжил исследование. Интересный субъект. Мне такие редко попадаются... среди нашего контингента. Все больше, знаете ли, мелкие уголовники с низким уровнем развития личности.

– Я посмотрю, что можно для этого сделать, – сказал Коан. – Благодарю вас от всей души, сеньор Бенет, вы нам очень помогли.

Все трое дружно встали, пожали друг другу руки и направились к выходу. В дверях, однако, Бенет тронул Коана за плечо, останавливая:

– Простите, сеньор Коан, прежде чем вы уйдете, хочу кое-что добавить.

– Да-да?

– Почерк может сказать о человеке очень многое. Но только не то, чем он является на самом деле. Вы меня понимаете? Есть последняя правда, там, далеко вдали за буквами.

И Бенет улыбнулся – впервые за их встречу.

Давид сделал еще один маленький глоток чая с лимоном. Он запивал приличный кусок кремowego торта, которому только что охотно отдал должное, – а вот Коан к своему не притронулся. Деревянные панели стен, удобные английские кресла с высокими спинками и подголовниками придавали этому чайному салону в латинском квартале Мадрида вид интимный, на британский манер уютный. Усевшись здесь, подальше от нескромных глаз и ушей, они обсуждали миссию Давида, теперь уже со всеми подробностями.

– Получается, что познакомиться с ним, – Коан нервно оглянулся, не слушает ли кто, – будет не так уж трудно. Он, по мнению Бенета, общительный.

– И вдобавок идеалист и альтруист, – пробормотал Давид.

– Именно. Только подумать, как он поступил с рукописью своего романа!

– Ясно мыслящий рационалист.

– Образованный.

– Ну, это известно всем, кто его читал.

– С даром импровизации. Кроме того, он работал или до сих пор работает на пишущей машинке... как ее... – Коан достал записную книжку. – На «Олимпии SG 3S/33». Как только увидишь такую, сразу насторожись.

– И он левша, – вспомнил Давид.

– Да, и это еще пустяки по сравнению с тем, что у него шесть пальцев на правой руке! Вот это примета! Может, потому-то он и действует больше левой?

– Наверное. – Давид помолчал, собираясь с духом перед тем, как продолжить. – Буду искренен с вами, сеньор Коан. Я вряд ли тот человек, который вам нужен для данного дела. Если я вас об этом не предупрежу, то подведу издательство, да еще в таких... решающих для него обстоятельствах.

– Слушай, Давид, давай без нытья. Я собрал о тебе исчерпывающие сведения. Отзывы просто блестящие. Ну посудите: я ехать не могу, пойдут слухи, внутри издательства накалится обстановка. И уж, конечно, речи быть не может о том, чтобы доверить дело нашим издательским библиотечным мышкам. Они милые, интеллигентные, но провалят любое практическое начинание одним своим присутствием. Нет, тут нужен мужчина. Человек из жизни, а не из книг. Ты меня самого будешь там как бы замещать или представлять.

– Но неужели нельзя найти кого-нибудь более... квалифицированного?

– Позволь вопрос, Давид.

– Разумеется, сеньор Коан.

– Ты заметил, какая у меня записная книжка? Я сегодня весь день в нее что-нибудь записывал.

– Да, сеньор Коан, от Кардена.

– Вот. То, что требовалось доказать. Понимаешь, Давид? Ты из тех, кто все замечает.

– Да просто эта вещь мне хорошо знакома. Именно по такой кожаной записной книжечке от Пьера Кардена все редакторы получили в подарок от издательства на Рождество.

– Да ты что? Надо сказать Эльзе, чтобы впредь покупала мне другую модель. Так. Продолжим. Какой марки у меня часы?

– «Ролекс» в стальном корпусе.

– Цвет моих ботинок?

– Коричневые, в тон костюму.

– Размер рубашки?

– Люди с «Ролексом» на руке не покупают готовые рубашки, сеньор Коан. Ваши тоже сшиты на заказ.

– Сколько стоит этот кусок торта?

– А мне какое дело? – вспыхнул Давид. – Платить-то не мне!

Коан захохотал так, что немногочисленные посетители обернулись на них. Давид и сам слегка улыбнулся своей рискованной шутке.

– Тут не о чем говорить, – серьезно продолжил Коан. – Ты именно тот человек, какой мне нужен. Я искал человека, который найдет другого человека... и нашел.

– Что до меня, сеньор Коан... мне трудно это объяснить, но у меня семейные проблемы.

– Ну еще бы, – улыбнулся Коан. – Я уж думаю – сколько можно тянуть с основной темой, а ты к ней никак не перейдешь. Конечно, надо условиться о твоей цене. С твоей помощью я выберусь из огромных неприятностей, читатели получают шестую часть долгожданной саги – а ты, что получаешь ты?

– Не подумайте, сеньор Коан, что я...

– Тебе не в чем извиняться, Давид! Я предпочитаю людей практичных, сам такой. Давай поговорим о твоём гонораре. Хочешь знать, как я его вижу? Так вот: серьезное увеличение заработка и другая, более ответственная должность.

– Новая должность? – воскликнул Давид, не скрывая радости, как ребенок, увидевший новую игрушку.

– Да. Директора издательства. Ты давно перерос должность рядового редактора и по знаниям, и по опыту. С этого дня ты ведь фактически уже находишься в более высоких сферах, правда? Информированность твоя предполагает иной уровень работы. Ты теперь знаешь то, что знаем только я, мой брат и доктор Альваро. Я еще там, в кабинете, предупредил тебя об этом. Это привилегия, а привилегия – палка о двух концах. Работай.

– Ну что же, ваше предложение удивляет своей щедростью. Но проблема моя остается. Я по работе должен много ездить. Это очень раздражает мою жену, которая живет, почти меня не видя. Я ведь только вчера вернулся из Лиссабона, от Лео Баэлы с его проблемами.

– Кстати, как тебе его новый роман? Надеюсь, лучше прошлого?

– Да, неплохо. Надо было кое-что переделать, надеюсь, пойдет на пользу. Я верю в Лео. Он на подъеме. Но я хотел сказать... о другом. Понимаете, если я именно сейчас надолго уеду, у меня могут возникнуть серьезные семейные проблемы.

Коан сосредоточенно замолчал с таким видом, словно затруднения Давида были математической задачей, которую он должен немедленно решить.

– Меня мало сейчас волнуют твои отношения с женой. Не жду, чтобы ты разделял мои чувства, но хотя бы пойми: не приоритетны сейчас для нас чьи бы то ни было семейные неурядицы. В то же время мне ни к чему, чтобы у тебя голова была забита этой ерундой, когда тебе вот-вот ехать. Нет, ты мне нужен свободным и в полном объеме. Я кое-что придумал.

– И что же? – спросил Давид.

– Я хотел оформить твой отъезд в Пиренеи как отпуск, чтобы избежать пересудов. Теперь думаю, что это можно использовать. Пусть жена едет с тобой. Скажи ей, мол, тебе дали на работе короткий отпуск и ты хочешь уехать с ней куда-нибудь в спокойное, тихое местечко отдохнуть. А там, на месте, найдешь шестипалого, выпьешь с ним кофе, поговоришь о литературе, возьмешь роман и вернешься.

– Ну, не знаю... А что за места там, в Бредагосе?

– Прекрасные! Рядом лес. Старинные каменные дома, идиллическое очарование. Короче, деревня. Я замечал, женщинам такое нравится.

– Я поговорю с женой. Когда нам выезжать?

– Как можно быстрее!

– Я не знаю, получится ли у нее вообще сейчас с отпуском...

– Помни, что все ваши траты будут возмещены. Вообще все, что вам там понадобится. Ты, Давид, подумай еще раз, что для нас стоит на кону. Если найдешь его и привезешь роман, то будущее издательства обеспечено. А нет – так я через полгода не поручусь, что у тебя будет место работы за отсутствием издательства как такового.

– Я с ней поговорю, сеньор Коан.

– Да уж поговори, Давид. Я очень в тебя верю. Я все на тебя поставил. Я или, лучше сказать, издательство. Привезешь роман – он выйдет под твоей редактурой.

– Серьезно?

– Если сам не откажешься.

– Я вам завтра позвоню?

– Звони в любой час. В любой час дня и ночи.

Давид оперся на капот и уставился на двери офиса, откуда должна была появиться Сильвия. Он напряженно вглядывался в глубину за автоматически открывающимися дверями в надежде скорее увидеть знакомую фигурку. Он должен уговорить ее, уломать, улестить, заставить, наконец, поехать с ним в эту пиренейскую деревушку, потому что именно сейчас решается все – все, для чего он работал столько у Коана. Хорошая должность, спокойная работа без командировок, а главное – возможность редактировать самого Томаса Мауда! Вот уж у кого нет затруднений с сюжетом, так это у Коана! Ну и план он придумал, какая проницательность в понимании людей и точность в расчете их действий. Нет, он гений.

Давид не хотел лгать жене, но и выложить всю правду было опасно. Она могла просто уйти от него. Сколько раз, возвращаясь из командировок, Давид находил гневную записку, прислоненную к экрану телевизора: устала сидеть тут одна, пошла к сестре, останусь там на несколько дней. Он должен собраться. Должен быть тем, в кого поверил Коан, – быстрым, сообразительным, жестким человеком, решительно преодолевающим все трудности.

– Простите...

Давид обернулся на человека, тронувшего его за плечо:

– Да?

– Видите ли... машина, на которой вы сидите, моя. И я хочу на ней уехать.

– Ох, простите, пожалуйста!

Давид отошел от автомобиля, не отводя взгляда от дверей.

Он не хотел расставаться с Сильвией. Он хотел их ребенка, этого маленького шалуна с карими глазками, который станет топтать ножками по их комнатам, падать, ломать вещи. Давид будет дуть ему на расцарапанную коленку после падения с велосипеда, вытирать слезы с его щек. Все это будет, надо только вот сейчас, именно сейчас, поднажать и преодолеть трудности.

Сильвия вышла, на ходу застегивая габардиновый плащ. Увидев мужа, застыла метрах в двух и молча, не шевелясь, глядела ему в лицо. Наконец улыбнулась – словно подул теплый ветерок, и оба зашевелились освобожденно.

– Ты как тут оказался? – спросила Сильвия.

– Хотел сделать тебе сюрприз.

– Какой сюрприз?

– Надеюсь, приятный. Мне пришла в голову потрясающая идея.

– Поделишься?

– Да, но не здесь. За ужином.

Он взял ее под руку, и они пошли вниз по улице.

Глава 5

Бредагос

Наконец они припарковались. Улица была широкой, с полукруглым фонтаном, словно выступающим прямо из стены дома, – из смешной короткой трубки с силой била вода. Оглядевшись, увидели привычное сочетание камня, дерева и черепицы – всего того, из чего состоял Бредагос, как и другие городки, затерянные здесь, в Лериде, в долине Аран. В убежище Томаса Мауда. Так близко от французской границы, что через нее можно перебросить камень.

Поначалу Сильвию предложение мужа приятно удивило. Она снова забеспокоилась после длинного разговора дома, за ужином, но по зрелом размышлении на свежую голову многое показалось ей не таким важным. Утро вечера мудренее, да и Давид был убежден в своей правоте. Сильвия поговорила с коллегами по работе, они перестроили расписание, и в результате положенный ей отпуск все-таки получился.

Разумеется, там, в ее конторе, не сдавались без боя и выдвигали то одно, то другое препятствие, но были вынуждены, ворча, отступать, когда Сильвия напористо напоминала им все те случаи, когда она в прошлые годы безропотно, самоотверженно брала на себя в тяжелой ситуации чужие обязанности. Да, тот денек выдался по-настоящему жарким. Потом, уже в пути, она рассказала Давиду, в каком ожесточенном бою ей пришлось отстаивать свои права. С каким трудом удалось выцарапать из работодателя эти считанные дни отдыха, которые она просила взамен долгих лет безупречной работы, когда она, не считаясь со своими интересами, в ущерб здоровью и семейной жизни трудилась порой целыми сутками, когда надо было срочно закончить сметы перед сдачей проекта.

Предложение Давида уехать вместе в короткий отпуск удивило Сильвию – вот уж чего не ожидала, так не ожидала. Но сказать «нет» она не посмела и не хотела. Просто не смогла бы. Несколько дней вместе, безмятежных, свободных, и чтобы можно было наконец все обсудить. То, что они откладывали в суете и спешке. О том, как она хочет от него ребенка. О планах на будущее. О том, как она все понимает. Ведь при всей его перегруженности работой Давид никогда не забывал принести ей, как бы извиняясь за часы, отнятые у совместной жизни, какой-нибудь смешной подарок – хоть пакетик конфет. И Сильвия это видела и ценила. Что она не забыла про звонки Давида каждый раз, когда он задерживался, про его заботу о том, чтобы она не волновалась. Что она знает о его человеческой надежности, о прочности их союза. И нынче, когда она уж подумала, будто теряет его, он вдруг предложил ей поехать в затерянный между землей и небом Бредагос вместе, и как она ему за это благодарна.

В общем, чемодан Сильвии занял заднее сиденье машины – весил он, как со стоном предположил Давид, водружая его туда, не менее тридцати пяти кило, – а они, усевшись впереди, устремились на север, держа курс на Бредагос. Выбравшись из пробок на северном выезде из Мадрида, миновали Гвадалахару, направились к Сарагосе, и вот уже вдали стали видны четыре башни собора Марии дель Пилар. В Сарагосе остановились выпить кофе и размяться, прошли по людным улицам – день был прекрасный, ласковое солнце сияло на небе и отражалось от вод Эбро, и люди дружно вышли на свежий воздух. Выехав из Сарагосы, они взяли к востоку, на Уэску, миновали Барбастро, потом Бенабарре, а от него долго ехали на север, вдоль речки Ногера по арагоно-каталонской границе, остановившись только во Вьелье, в долине Аран. Дорога оттуда в Бредагос была уже иной: петляла и закручивалась серпантинном, осыпалась из-под колес в пропасть, терялась в путанице проселочных горных троп. Они находились в шести километрах от французской границы, на высоте тысяча сто метров над уровнем моря, в крохотном поселке, прижавшемся к пиренейским скалам.

Выползая из машины, разминая затекшие мышцы и озираясь, Давид и Сильвия заговорили о том, где им теперь искать пансион «Эдна» – они заказали там по Интернету комнату. Наконец на улице показался одинокий прохожий, с виду местный, с тяжелой коробкой на плечах.

– Простите, вы не подскажете...

– Да-да?

При ближайшем рассмотрении на прохожем обнаружилась сутана, поверх которой он надел рабочую куртку. На обветренном, небритом лице выступили капли пота, хотя с гор дул холодный ветер.

– Вы ведь здесь живете?

– Да, я местный священник.

– Не укажете нам, где пансион «Эдна»?

– Нам по пути, если хотите, я вам покажу его.

Не ожидая ответа, он водрузил свой тяжелый груз на заднее сиденье их автомобиля и сел рядом сам.

– Да, пожалуйста, – растерянно произнесла Сильвия.

– Понимаете, эти свечи такие тяжелые, ужас... а я уж немолод. Позвольте представиться – падре Ривас.

Давид и Сильвия назвали свои имена.

– Вы к нам, наверное, надолго?

– Почему вы так решили?

– Ну, с таким большим чемоданом...

Давид смешливо подмигнул жене, та упрямо смотрела перед собой.

– Нет, просто небольшой отпуск.

– Прекрасно, прекрасно! Вот увидите, вам здесь понравится. Поселок очаровательный. Совсем... первобытный.

Пауза, которую сделал священник, да и сам выбор слова показались Давиду двусмысленными. Словно он хотел сказать «дикий» или «грязный».

– Собственно, «Эдна» – не пансион, – продолжил падре Ривас. – Никаких указателей и вывесок. Поэтому вы его и не нашли. Просто у нас есть вдова, у которой мало денег, зато в избытке пустых комнат в доме, где она живет. Вы с ней сейчас познакомитесь. Очень своеобразная особа.

Помолчали. Еще одно иносказательное словечко, подумал Давид.

– Так, а здесь направо. А вы сами-то откуда?

– Из Вальядолида, – ответил Давид.

Сильвия искоса бросила на него быстрый взгляд.

– Вот мы и приехали. У тех дверей тормозите, – показал падре.

Все выбрались из автомобиля. Предложение подвезти его вместе с тяжелой коробкой до места назначения священник отверг, объяснив, что это близко.

– Спасибо, что подвезли. А в случае чего вдруг возникнет необходимость духовного руководства, да и любые проблемы, включая бытовые... милости прошу ко мне, в дом приходского священника. Может, есть срочная нужда в исповеди?

Давид увидел, что Ривас обращается лично к нему, и ответил:

– Спасибо, падре. Не сейчас. Но, в случае чего, мы к вам придем, не сомневайтесь.

– Вы ведь сами знаете поговорку: «Не бывает чистой совести, бывает плохая память».

Он рассмеялся собственной шутке, взвалил на плечи короб со свечами и двинулся вверх по улочке, последний раз обернувшись к ним с обаятельной улыбкой, которая заставляла забыть о грубости его одежды и обветренном лице.

Дом оказался двухэтажным шестикомнатным особняком. Эдна, маленькая толстушка, быстро спрятавшая при их появлении бутылку анисовой, унаследовала его от родителей. Не прекращая разговора по телефону, она протянула им ключ от комнаты, крича при этом в трубку так зычно, что Сильвия подумала – собственно, зачем ей телефон? Могла бы сэкономить на счете, собеседник и так ее услышит.

В комнате обнаружилось огромное супружеское ложе и ванная на золоченых ножках, которая, мрачно покосившись, стояла в углу, как обломок страшного кораблекрушения, изобличая отсутствие в доме специальных помещений для гигиенических процедур. Маленькая ниша в стене была приспособлена под платяной шкаф, куда поместилась лишь очень небольшая часть одежды Сильвии.

Давид ждал упреков от жены за то, выбрал для отпуска столь убогое местечко. Но делать было нечего – «пансион» в поселке был единственный. Он объяснил жене выбор Бредагоса тем, что его очень хвалил коллега из издательства, который якобы провел здесь лето и остался в восторге от спокойствия, тишины и целительного лесного воздуха. Сильвия могла бы теперь добавить к этой характеристике удаленность от цивилизации, грязь и тесноту, но она не собиралась жаловаться. Даже мягкая одежда, которую она радостно паковала в Мадриде и которую теперь негде было разместить, вроде не волновала ее.

– Ничего, что здесь так тесно? – попробовал он смягчить ситуацию.

– Мне даже нравится. Прелестная старинная атмосфера. Посмотри только на эти золоченые ножки ванны. В жизни не видела ничего подобного. Лавка древностей.

– Да, но ведь тебе тесно...

– Зато уютно.

– Дом старый.

– Старинный.

– Странный.

– Очаровательный.

– И воняет дезинфекцией.

– Ну, это решается простым открыванием окон. Пока мы ужинаем – проветрится, а не поможет – купим дезодорант в какой-нибудь местной лавке.

– Ты просто прелесть. Такая практичная!

– Нам этот отпуск ничто не испортит! Единственное, что мне по-настоящему нужно, у меня есть: ты рядом.

Они улыбнулись друг другу и обнялись. Давид положил подбородок на затылок Сильвии, и они притихли в объятиях друг друга.

– Как ты думаешь, дадут нам тут поесть?

– Ох, Давид, ты знаешь, лучше бы нам поесть где-нибудь в другом месте! Ты видел ее грязные руки?

Эдна сидела в маленькой проходной комнате, служившей чем-то вроде гостиной, и смотрела телепередачу о ковроткачестве. Когда они вошли, она тяжело вылезла из кресла, убавила звук и вытащила откуда-то картонную карточку. Оказалось, ей нужны их персональные данные.

– Имя?

– Давид Перальта.

– Откуда прибыл?

– Из Вальядолида, – снова солгал Давид.

– Профессия?

– Журналист.

– Дети есть?

– А что?

Эдна подняла голову и нахмурились.

– Дети есть? – повторила она.

– Нет, – холодно ответил Давид.

– Возраст?

– Тридцать пять.

– Уже есть?

– Скоро будет.

– И как скоро?

Давид промолчал.

– Цель приезда?

– Отдохнуть от назойливых расспросов любопытных людей.

Эдна убрала карточку со стола.

– Ну ладно. Значит, так. Моя спальня первая по коридору слева. Обращаться ко мне по всем вопросам проживания гостям разрешается только до двенадцати часов. Двадцать два евро в сутки, за первые две ночи – вперед.

Сильвия вынула деньги и положила на стол. Давид расписался в регистрационном журнале и догнал выходящую жену. Уже в дверях она обернулась и спросила Эдну:

– Простите, а где бы тут поужинать? Может, рядом есть ресторан?

– Ресторана нет, а вот в таверне «Эра Уменеха» готовят горячее, и неплохо.

– А еще где-нибудь можно перекусить?

– Да можно, только во всех других местах вместо пива вам нальют мочу.

– Как мило. Спасибо, – кивнула Сильвия.

Они прошли по узким улочкам поселка в поисках таверны. Бредагос оказался сотней домов, тесно прижатых друг к другу и к скалам так, чтобы защититься зимой от неистовых горных бурь с морозными ветрами. Лишь пара-тройка строений осмелилась удалиться от дружной стайки людских жилищ, сплетенной в узкие улочки городка, и редкие пятнышки этих отдельных усадеб виднелись на склонах. Подняться к ним можно было не всегда из-за отсутствия асфальта, и не все проселочные дороги были проходимы. Единственное асфальтовое шоссе, по которому Сильвия с Давидом приехали сюда, пересекало Бредагос и тянулось в Боссост, соседний поселок. В центре, на перекрестке двух главных улочек, было подобие площади с неухоженным газоном и полукругом составленных рядом скамеек. В центре же стояла каменная резная стела с полустертыми временем изображениями городков Аранской долины, меланхолично напоминая о быстротечности времени и о том, что все они здесь – не более чем поросший мхом камешек, затерянный в необъятности гор, разделяющих две самые большие страны Европы.

Узкие улочки были без тротуаров. Пара площадок, вроде бы предназначенных для парковки машин, практически пустовали – там стояли только грязноватые грузовички, поклажа которых, наивно привязанная веревками и оставленная на ночь без присмотра, свидетельствовала о том, что воров тут никто не боится, так что шоферы сейчас наслаждаются пивом и мобильники молчат в их карманах.

Склоны местных гор поросли буковыми и пихтовыми рощами, которые осенью красиво меняли цвет. Во время бурь их тяжелые ветви, ломаясь, могли наделать немало бед. Травянистые ивы, вьющаяся жимолость, шиповник успешно боролись с проложенными тропинками, делая их непроходимыми. Деревья жадно тянулись к свету, сплетая в вышине кроны, а их корни цепко обвивали камни и уходили во влажную землю. Броня этого леса казалась непробиваемой и должна была крепко хранить свои тайны.

По улицам бродили немногочисленные прохожие, иногда обменивались парой слов, формальными приветствиями и вопросами о здоровье семьи. Из освещенных окон доносились

неразборчивые голоса, запахи еды и вина, возгласы и обрывки бесед, смысла которых нельзя было понять.

Сильвия с Давидом шли молча, наслаждаясь анонимностью, мирной атмосферой и этими знаками чужой жизни, в какой им предстояло найти свое временное место. Через пять минут Сильвия вдруг спросила:

– А зачем ты соврал?

– Я? – изумился Давид.

– Про Вальядолид. И Ривасу, и Эдне. Почему?

– В деревне к столичным жителям очень плохо относятся. Мы для них ненавистные крокопицы.

– Только поэтому?

– Ну еще потому, что они меня взбесили. Всем надо все про тебя знать еще до того, как ты подошел к ним на три метра. Хуже полицейского допроса. Вот скажи, зачем этой Эдне знать про наших детей? Чего она хотела от меня? Чтобы я ей исповедался – нет, пока не родили, но собираемся и, возможно, приступим к делу прямо тут, в снятой у вас комнате, так что, когда услышите подозрительные звуки, знайте: это мы перешли к важнейшей стадии проекта...

– Как ты чувствителен, дорогой ты мой! – Сильвия рассмеялась своим безудержным искренним смехом, который Давид так любил и так редко слышал, который был возможен только в минуты полного, безоблачного и безмятежного счастья. Они перестали хохотать, услышав гудок у себя за спиной. Маленький бородатый толстяк в очках делал им знаки, высунувшись из окна автомобиля.

– Поняла, что я имею в виду? – шепнул Давид, пока они направлялись к машине. – Просто преследуют.

– Хотите, подвезу? – предложил толстяк.

– Вы таксист? – спросила Сильвия.

– Нет, но думаю, что вы идете в таверну «Эра Уменеха», поужинать. Я бы вас туда и подвез. Впрочем, если вы хотели пройти пешком и я вам помешал... Простите.

– Да, мы ищем таверну, чтобы поужинать.

– А я как раз туда еду.

– Спасибо, – сказала Сильвия, садясь в машину раньше, чем Давид успел возразить. А тот смутно размышлял о том, как это странно и неправильно – то они подвозят кого-то из деревни, то подвозят их.

Машина оказалась стареньким «Рено», побитым, проржавевшим, с драными сиденьями. Сильвия начала контратаку:

– Ну и как вы узнали?

– О чем?

– Что мы ищем таверну «Эра Уменеха». – Она спрашивала легким смеющимся тоном, каким говорят об удачном фокусе.

– А, так это легко. Вы ж нездешние?

– Да. Из Вальядолида. – Сильвия бросила озорной взгляд на Давида. Тот никак не мог выйти из неясного, тревожного настроения, в которое его привели и это происшествие, и атмосфера незнакомого горного селения.

– Если вы приезжие, то остановились у Эдны, а значит, ищите, где поужинать – сама-то она постояльцев ничем не кормит.

– Но как вы догадались, что она нам указала именно эту таверну?

– А что ж еще она вам назовет, ведь таверна-то ее брата, Иона.

– Вот это да! Да вы мастер дедукции не хуже самого Шерлока Холмса, поздравляю! – воскликнула Сильвия.

– Про мочу, которую наливают вместо пива везде, кроме таверны «Эра Уменеха», говорила?

– Говорила!

– Ха! Еще бы! Эдна всегда крутит одну и ту же пластинку.

Теперь смеялись все трое. Машина припарковалась у таверны, в которую вела вниз лестница из полудюжины ступенек. Заведение помещалось в полуподвале большого двухэтажного дома, и о его наличии можно было догадаться, только расшифровав полустертые надписи на деревянной доске, прибитой в полутьме над дверью, или правильно истолковав шум и веселые крики, доносившиеся из маленьких освещенных окошек. Внутри смеялись и стучали пивными кружками.

– Простите, а как улица называется? – спросила Сильвия.

– Эра Уменеха, – ответил новый знакомый. – А если кто не сразу вспомнит, так найдет таверну по трубам.

Все трое подняли головы и увидели гигантские печные трубы, торчащие над зданием.

– По-арагонски «уменеха» и есть «печная труба», – пояснил провожатый.

Едва они вошли, новый знакомец стал прощаться:

– Ну, приятного вам аппетита. Однако не могу не добавить, что, хотя кормят здесь действительно неплохо, в остальных местах тоже никакой мочи в кружки не льют. По правде сказать, пиво не местное, его сюда завозят, причем поставщик у всех один. Только не говорите хозяину. Кстати, меня зовут Эстебан.

– Ох, простите. Мы и сами не представились, – ответила Сильвия. – Я Сильвия, а это мой муж Давид.

– Очень приятно.

– Нам тоже.

Эстебан отошел и уселся у стойки.

В вагоне освободилось одно место. Двое незнакомых друг другу людей скрестили над ним взгляды, готовые к борьбе за сиденье. Тот, что походил на почтальона, протасил свою огромную сумку на колесиках психоделического розово-оранжевого цвета прямо по ногам высокого типа в вельветовом пиджаке. А симпатичная брюнетка лет сорока, натренированная годами поездок метро в час пик, ловко скользнув в толпе, уже заняла свободное место. Тип в вельветовом пиджаке попытался послать ей гневный взгляд, но она уже уселась, безмятежная, как у себя в кухне в Вальекасе, и уткнулась в газету.

Эльза, секретарша Коана, страдала. Она вошла в число тех привилегированных тридцати двух пассажиров из примерно двухсот, которым удалось занять сиденье, но оказалась зажатой между двумя здоровенными мужчинами, и они не давали ей ни пошевелиться, ни вздохнуть. До Портасго было еще три остановки, и Эльза, делая мелкие скованные движения, пыталась читать рекламную газету. Пассажирам раздавали ее при входе, и в ней говорилось о непрерывных перестановках в правительстве и непрерывных тренировках футболистов «Реал Мадрид», один из которых получил травму в паховой области и пропустит следующий матч.

Было примерно без четверти восемь. Из издательства Эльза вышла в семь часов и спустилась на Серрано в метро. В те дни, когда ей удавалось уйти с работы пораньше, она ускользала от часа пик и не толкалась в метро вместе с клерками и продавцами местных магазинов одежды, порой даже ехала одна в вагоне. Однако с окончанием рабочего дня люди в метро стояли теснее, а сама поездка казалась бесконечной. Закрывающиеся двери вдавливали людей внутрь вагона; они там возились, устраиваясь, заполняя все свободное пространство, не давая дышать, потяя и, однако же, вынимая и пристраивая в оставшихся между телами щелях книги: то тут, то там кто-то читал.

Дома она, еще не сняв туфли и пальто, быстро взглянула на окошечко автоответчика, сиротливо стоявшего на пустой этажерке. Ожидала увидеть обычный ноль, но на сей раз горела единица.

Эльза жила в этой новой, более скромной, чем раньше, квартирке три месяца, но никак не могла обжить ее. С тоской вспоминая, как уютно и небрежно в прежнем ее доме кочевали по полкам и ночным столикам все те безделушки и украшения, которые теперь лежали нераспакованными в картонных ящиках, она не спешила освобождать их из временного плена. Там, дома, все было так обдуманно, удачно расположено. Каждая вещь, казалось, радостно и навсегда заняла только ей предназначенное место, и всем им там было хорошо и спокойно – каждой книге на полке, каждой фарфоровой статуэтке в гостиной, и уютно мерцающему экрану видео, которого у нее теперь не было, и картинам, от каких ей осталась жалкая малость.

Но больше всего Эльза скучала, как ни странно, по запаху табака и вкусной еды, по жилому запаху обитаемого семейного дома, ничуть не похожему на этот запах новой чужой комнаты – запах краски, пыли, затхлости. Всегда хотелось, войдя, открыть окна и проветрить. Она знала, что надо взять себя в руки: купить мебель, развесить гардины, расставить по полкам безделушки. Однако мучительно сопротивлялась этой необходимости и существовала, словно стояла на остановке в ожидании поезда метро, который увезет ее из случайного места в нормальную, хорошую жизнь.

Вот уже полгода миновало после ее разрыва с Хуаном Карлосом. Двенадцать лет вместе. Она не могла привыкнуть к мысли о случившемся, никак не могла поверить. Муж ее не отличался ни порядочностью, ни верностью, нежных чувств к ней не питал, но Эльза тосковала по нему. Несмотря на все его художества, ей так отчаянно недоставало вечеров, когда, вернувшись домой, она слышала не тишину пустых комнат, а звуки футбольного матча по телевизору и его голос, который велит ей нести пиво, раз уж она приперлась. Недоставало их воскресных походов в кинотеатр, пусть даже фильмы, какие он предпочитал, ей не нравились.

Хуан Карлос был водопроводчик и завсегдатай баров самого низкого пошиба на Каса де Кампо. Когда хотел, однако, мог быть по-мужски обаятельным и даже нежным. Другое дело, что он не хотел. Почти никогда. Удивительно, как долго может человек терпеть невыносимую, неправильную жизнь лишь потому, что ему не под силу эту жизнь менять. Но Эльза смогла, выкрутила руль и нашла новую дорогу. Конечно, в передрыгах были потеряны комфорт, привычный уклад, достаток. Чтобы избежать безобразных сцен, она отдала мужу все дорогие вещи, оставив себе только кровать, посуду и две картины. Так что теперь в ее полном распоряжении находились двуспальная супружеская кровать и сервиз на двенадцать персон. Эльза взяла из него чашку и блюдце, чтобы пить утром кофе.

Зато теперь это были ее собственные кровать, картины и сервиз, и она могла делать с ними все, что душа пожелает, – хоть выкинуть за окошко. И потом купить другие.

Эльза с любопытством включила запись и узнала голос сестры, Кристины. Голос выдавал, что та с трудом сдерживает нервную дрожь.

– Привет, Эльза... это Крис. Ты не волнуйся, главное... ничего особенно серьезного... понимаешь, сегодня Марта перебежала улицу перед автобусом, и он ее сбил. Она жива, ничего страшного, но ссадила себе об асфальт кожу на лице, коленях... ну вот, Эмилио в отъезде, а у меня ночная смена, ты не сможешь посидеть с ней эту ночь? Марта... она вообще-то ничего, опасности нет, но я буду спокойна, только если ты будешь рядом. Позвони мне, пожалуйста. Целую. Пока.

Эльза перемотала запись на начало и прослушала послание еще раз, очень внимательно. Позвонила сестре. Взяла сумку. Вышла из дому. На улице остановила такси. Назвав адрес, попросила водителя поторопиться.

Кристина, сестра Эльзы, работала медсестрой в госпитале. И у нее бывали ночные дежурства. Она пыталась избавиться от них, но ее сразу поставили перед выбором – либо ночная

работа, либо никакой. Тогда Кристина нашла работу в Бирмингеме, в Англии, где медсестер не хватало и где были рады любым. Теперь, вернувшись, с большим опытом и вторым иностранным языком, она надеялась найти работу получше, без ночных дежурств. Ее муж Эмилио был торговым представителем химической фирмы и большую часть жизни проводил в разъездах в обществе своего чемоданчика с образцами продукции. Эльза восхищалась этой семьей. У них возникали серьезные трудности, ведь Эльза долго жила за границей, а Эмилио приезжал в Мадрид только на выходные, но сумели же они сохранить свой брак! Пусть и без жаркой любви, но с достоинством. Порой она думала, что ее брак тоже можно было бы сохранить, если постараться. Только вот Хуан Карлос не был таким добрым, как Эмилио, а ей самой всегда не хватало терпения, каким обладала ее сестренка.

Крис ждала ее у порога, уже в форме медсестры и старом кардигане, который мама связала ей. Сестры крепко обнялись и поцеловались, оставив на щеках друг у друга пятна губной помады.

– Спасибо, родная, что пришла. Конечно, можно было попросить какую-нибудь подружку Марты, но уж лучше взрослый человек, правда? Прости, что я тебя так выдернула срочно...

– Ты еще у водителя автобуса прощения попроси.

Кристина слабо улыбнулась.

– Ступай спокойно, Крис, я пригляжу за ней, все будет нормально.

– Значит, анальгин на тумбочке, если боли усилятся, дай, но вообще-то ей вкололи успокаивающее. В холодильнике найдешь что поесть. Я вернусь в шесть пятнадцать. Спасибо.

Она еще раз обняла Эльзу. С порога оглянулась:

– Звони, если что.

Марта лежала на тахте с подушками за спиной. Телевизор работал на каком-то развлекательном канале, но вряд ли передача увлекла девушку, учитывая, в каком она находилась состоянии. На перебинтованном лице был виден лишь один затекший глаз. Эльза представила, что там, под бинтами, и содрогнулась. По рассказу Крис выходило как-то не очень страшно. Может, и действительно не так опасно, как выглядит, но Эльза видела только сплошь забинтованную тяжелораненую. Она мягко подошла к тахте и осторожно поцеловала Марту в лоб. Из-под бинтов голос Марты звучал глухо и неразборчиво.

– Ну что, принцесса? – сказала Эльза. – Держись?

– Ничего... терпимо. Мне дали много обезболивающих и успокаивающих.

– Смотри, не пристрастись.

Лицо Марты чуть дрогнуло в кривой улыбке.

– Я сегодня ночью побуду с тобой. Если что-нибудь нужно, скажи.

– Спасибо, тетя Эльза. Меня клонит в сон.

– Вот и хорошо. Давай помогу надеть пижаму.

Эльза тихо вышла из комнаты, все стены которой были увешаны постерами с изображением мускулистых молодых людей в обтягивающих плавках и фотографиями рок-певцов. Ей вспомнились собственные отроческие годы, правда, парни на ее фотографиях были одеты. Когда она после ванной заглянула к Марте, та уже спала – лекарства подействовали.

Эльза смотрела на спящую девушку. Марта была хорошенькой. Через три недели ей исполнится двадцать два года, она уже, считай, на четвертом курсе психологического факультета, за третий осталось сдать два предмета. Время мчится. Когда девчонка родилась, сестре было двадцать пять, ей самой, Эльзе, – двадцать три. Самое цветение буйной жизни. Сколько неисполненных желаний, проваленных планов. В двадцать три года тебе кажется, будто впереди одно только счастье. Но не проходит и пяти лет, как взрослая жизнь ложится на тебя свинцовой плитой. Неверные любовники, автокатастрофы, платежи по ипотеке, плохо оплачиваемая работа, лгуний и пьющий муж. Все, о чем ты мечтала, – коту под хвост. И ты сама туда

же. Сейчас, одна, оставленная Хуаном Карлосом, Эльза снова чувствовала себя неопытной и незащищенной, открытой ветрам жизни. Как молодая девочка.

Внезапно она поняла, что прислушивается к этому звуку. К дыханию Марты. Одеяло ритмично поднималось и опускалось над работающими легкими. Эльза закрыла глаза и вообразила, что это дыхание незнакомца, чужого. Она села в удобное кресло у кровати и целиком отдалась этому ощущению – слышать, как дышит спящий рядом человек. Это было восхитительно. Эльза решила устроиться здесь на ночь. И за Мартой присмотр будет лучше.

В пижаме сестры, набросив на ноги одеяло, она свернулась в кресле клубком и стала думать, чем бы заняться. Вспомнила, что в сумке есть книга, ее дал ей молодой редактор, о котором шептались, что он должен спасти издательство от разорения.

Может, и так. Эльзе некогда было размышлять о высших материях – Коан заваливал ее непрерывной срочной работой, не позволявшей отвлечься. Он и сам планировал рабочие дни очень плотно загруженными: одна за другой встречи с важными персонами – кинопродюсерами, издателями, владельцами типографий... то одни, то другие... были и такие, которые отказывались представляться, и будь она проклята, если чувствует хоть малейшее желание выяснять их имена.

Эльза взглянула на обложку и перевернула книгу, чтобы прочесть аннотацию на последней странице. Она любила научную фантастику, но сейчас ей не спалось. Взволновали собственные мысли о непрочности человеческого счастья, и зрелище трогательно дышащей во сне больной девушки, и гостиная, полная милых мелочей, свидетельствующих о семейной жизни. Эльза думала о том, можно ли было где-то на ее пути принять другое, правильное решение. Но ведь и сейчас снова надо принимать какое-то! Нельзя сидеть, как в метро на скамье в ожидании поезда. Поезда уйдут, и останешься на платформе одна.

Эльза вытерла слезы, уже начавшие капать с носа, и решительно открыла книгу. Она должна отвлечься. Любым способом.

Шум таверны оглушил Давида и Сильвию, как только открылась дверь. Массивное дерево поглощало звуки, которые волной наваливались на входящего: громкие требования еще пива, гогот над солеными шуточками, стук пивных кружек друг о друга и о стол и еще более резкий стук костяшек домино.

Казалось, весь поселок собрался здесь, как в своем естественном центре. Каменные стены выглядели устойчивыми и давними, как скалы. Цельное, грубо обработанное дерево столов таверны напоминало, что лес близко, а магазин «Икея» далеко. Целые поколения дедов, отцов, сыновей привычно стучали кружками об эти столы, требуя пива, чего не выдержал бы никакой лак. Обширный зал, не менее ста квадратных метров, был посыпан толстым слоем опилок, впитывающим пролитое пиво и грязь многочисленных сапог, которые топтали и разносили эти опилки повсюду. Через всю боковую стену тянулась стойка, на ней стояли четыре пивные бочки с кранами, откуда двое расторопных барменов непрерывно наливали пиво в кружки жаждущих. За их спинами в открытых дверных проемах виднелись повара, среди исходивших паром кастрюль готовившие привычную тут еду: тушеные овощи, преимущественно баклажаны с перцами и помидорами, тушеную свинину с луком, рыжики с картофелем и еще нечто вроде кровяной колбасы. Блюда ставили на большой вращающийся стол, выходивший противоположным краем в зал, где официанты подхватывали их и бегом разносили едокам.

Посетителей в таверне было не менее сорока. Эстебан правильно сказал: тут нервный центр местной жизни, место встреч одиноких людей с себе подобными, место, где человек после изматывающего трудового дня разделял с ближним трапезу и беседу.

Давид вдруг ощутил, что где-то глубоко внутри он чувствует ликование. Ведь он был в том самом месте, куда Томас Мауд, возможно, приходит по вечерам. Он немного ошалело оглядывался, но все лица казались одинаковыми. И все же вдруг где-нибудь в углу прямо сей-

час одиноко сидит молчаливый человек, сжимая стакан виски в шестипалой руке, незаметно наблюдая за окружающими, подмечая все: жесты, складки одежды, глубинные движения души. О, он сразу узнает Томаса Мауда, с первого взгляда – Давид не сомневался в этом, – даже не разглядывая его пальцы. И без этой своей умопомрачительной особенности Мауд должен быть человеком необыкновенным, значительным. Нельзя же написать роман, проданный в девяноста миллионах экземпляров, и выглядеть как все! Так думал молодой редактор, волнуясь и ожидая, что вот-вот встретится взглядом с великим писателем и они оба сразу все поймут – как в детективной истории преступник сразу все понимает, когда сыщик кладет ему руку на плечо после долгого преследования.

– Ой, я вижу свободный столик, вон там. Давид, займи его скорее, пока нас не опередили.

Они заняли у стенки столик на двоих и теперь озирались в поисках официанта. Ожидание ничего не дало, и Давид пошел к стойке, где все же заставил бармена выслушать себя – впрочем, тот, разговаривая, так и не отвлекся от раскладывания по тарелочкам анчоусов. По его властным повадкам Давид предположил, что это и есть Иона, брат Эдны, хозяин заведения. Что тут же подтвердилось, когда из кухни окликнули Иону, а он обернулся.

– Простите, можно нам посмотреть меню?

– Нет у нас никаких меню, – проворчал Иона и ткнул большим пальцем себе за спину, где названия блюд были написаны на доске мелом, и похоже, что уже давно. – Говорите, чего вам надо, я принесу.

– Право, пока не знаю. На каких блюдах вы специализируетесь?

– На всех.

– Ну хорошо, что у вас особенно вкусно?

– Так это другое дело, приятель, так бы и говорил. На вашем месте я сначала съел бы порцию анчоусов в оливковом масле, потом жареных рыжиков. Отличные просто, утром собрал. А на горячее – нашу арагонскую олюю.

– А что входит в арагонскую олюю?

– А все: фасоль, кабачки, морковь, лук-порей, капуста, картофель, сельдерей, свекольные черешки. На бульоне из телячьих костей.

– Это вроде овощного супа?

– Какой там суп! Туда кладут начинку... ну, я имею в виду обжаренные фрикадельки из телятины и курятины с яйцом... потом кровяную колбасу крошим... затем лапшу. Подаем в глиняных горшочках. Питательное блюдо. Типичное для нашей долины.

– Хорошо, – согласился Давид на арагонскую олюю, рыжики и анчоусы. – Еще, пожалуйста, два холодных пива. Нет, одну кружку пива и стакан газировки.

– Иду! – вдруг заорал Иона во всю мощь своих немалых легких и понес куда-то тарелочки с разложенными анчоусами.

За столиком супруги долго ждали еду, но дождались только крика от стойки: «Две ольи!» Здесь во время большого наплыва посетителей было принято брать блюда самим.

Местное кушанье оказалось непривычным. Сильвия однажды прочитала, что североамериканцы более других подвержены дисбактериозу и несварениям, потому что их культура требует чистоты и опрятности, доходя до опасной степени стерилизации всех съестных продуктов. Не грозит ли им теперь познать подобный опыт?

– Так вот ты какая, арагонская олюя! – прокомментировала Сильвия. – Вкусно.

– Да, ничего. Они берут все съедобное, что видят вокруг, и запаривают в одной кастрюле. Надеюсь, что моют перед этим.

– Чувствуешь какую-то грязь?

– Нет, но ты же знаешь, как это в деревне...

– Ты серьезно?

– Ну!

Сильвия изумленно вгляделась в лицо мужа, ища признаки розыгрыша. Через несколько секунд облегченно рассмеялась:

– Ты неисправим!

Они еще хохотали, когда вошел падре Ривас. Наверное, сразу с вечерней мессы. Иона сразу поспешил подать священнику стопочку орухо – знаменитой местной виноградной водки на травах. Тот ее выпил прямо на ходу.

– Значит, вина для причастия не хватило, – тихо заметил Давид.

– Бойкое местечко. Смотри, здесь двое из трех наших знакомых в этом поселке.

Да, подумал Давид, бойкое, и это очень хорошо. Раз здесь все, значит, тут может оказаться и он. Тот, который...

Извинившись, он отправился искать туалет. Никаких признаков похожей двери, и все стены закрыты плотной шумной толпой. Он тронул за плечо молодого парня, созерцательно тянущего из кружки что-то освежающее, и спросил, как найти туалет. Парень долго смотрел ему в лицо, словно размышляя, стоит ли он ответа... и в том же молчании опустил голову, продолжая пить. Могучий седобородый весельчак, стоявший рядом, посоветовал Давиду не обращать на парня внимания и указал на маленькую дверь в стене, почти полностью скрытую толпой.

Вернувшись в зал, Давид разглядывал уже не лица, а руки. Вдруг его отвлек громоздкий крик «Готово!», на который, впрочем, другие посетители, привычные к местному стилю обслуживания, не обратили внимания. Обернувшись на неожиданный звук, Давид увидел самую большую отбивную в своей жизни. Она превосходила всякое воображение: торчала во все стороны из огромной тарелки и должна была весить пару килограммов. Могучая рука повара слегка дрожала, когда тот ставил тарелку на стойку. Выдающаяся отбивная так поразила Давида, что он не сразу сообразил, что видел пять пальцев под тарелкой, какую нес, подняв перед собой, человек из кухни. А ведь должен быть еще большой палец, которым он держал тарелку сверху. Тарелка встала на стойку, и повар вместе со своими руками быстро исчез в глубине кухни.

Вопросы, которые Давид задавал себе почти беспрерывно со времени первой беседы с Коаном, яростно забились в его голове. Может ли это быть? Да. Почему писателю не работать поваром в деревенской таверне? Писатель волен делать что хочет, он непредсказуем. «Тебе всего-то надо приехать в поселок, найти там шестипалого человека и поговорить с ним. Больше ничего», – как сказал ему шеф за чаем в Латинском квартале.

Вертясь в толпе, Давид старался поймать взглядом нужную ему фигуру среди кухонных силуэтов, мелькавших в клубах пара. Кроме пальцев, однако, он почти ничего не успел рассмотреть, поэтому теперь, вздрагивая от волнения, ловил взглядом руки работавших. С третьей попытки он нашел, что искал: нож, который с неправдоподобной скоростью крошил морковь, сжимала шестипалая рука. Давид жадно перевел глаза на лицо: лет сорок, морщины в углах глаз, реденькая бородка. Он резал овощи, чуть приоткрыв рот от напряжения. Одна морковка упала на пол, он поднял ее и снова сунул на разделочную доску, не обмыв и даже не стряхнув. Давид, задышавшись, ждал, что вот-вот встретится глазами с существом, извлечшим из небытия такую историю, как «Шаг винта», но повар работал, не поднимая головы.

Возвращаясь за столик к Сильвии, Давид не спускал глаз со входа в кухню за стойкой. Он не уйдет от него, нет. На вопрос жены, куда он пропал, ответил, что в туалете очередь. Давид мог сейчас думать лишь о том, как встретиться с писателем, сообщить о нем шефу, не провалить дело. Теперь, когда их разделяла лишь стойка бара и два запыхавшихся официанта...

– Ты знаешь, у грибов странный вкус, – пожаловалась Сильвия, осторожно пробуя кусочек.

– Это не парниковые шампиньоны, а настоящие лесные грибы. Естественно, вкус у них другой.

– Да, конечно, но вкус у них все же...

Давид вспомнил упавшую на пол морковь и резко положил вилку на тарелку.

– Ну так и не ешь, не рискуй, – произнес он. – Зачем нам болезни?

Боже мой, повар... но почему повар? Томас Мауд был богат, по-настоящему богат. И талантлив. У него был редкий в литературном мире дар изобретения увлекательного сюжета. Зачем такому человеку жизненный опыт? И для чего ему работать? Тем более поваром. Да, множество писателей вели самую причудливую жизнь, какую только можно вообразить, но ведь не жизнь повара в забытой богом деревенской таверне!

Сильвия говорила ему что-то, но Давид не мог оторваться от своих лихорадочных мыслей. Он реагировал – кивал, когда она что-то утверждала, улыбался, хмурился, когда интонация становилась жалобной, но расслышать что-либо по-настоящему не мог себя заставить. Сильвия поняла, что муж рассеян и вял, и приписала это усталости после целого дня дороги по горным серпантинам. Она не требовала от него ничего. Не хочет говорить он – будет говорить она. За двоих. И любить она была готова за двоих.

У стойки расплатились по счету, который Иона им аккуратно выписал. К удивлению Сильвии, Давид похвалил еду и попросил Иону позвать повара, чтобы лично поблагодарить его. Это было необъяснимо: с той минуты, как ей показались странными на вкус рыжики, Давид вообще ничего не ел, даже знаменитую арагонскую олью, ограничился кружкой пива. Иона вернулся с кухни в сопровождении улыбающегося парня лет двадцати пяти, волосы которого, нещадно намазанные гелем, топорщились над головой, как у ежа. С вымученной улыбкой Давид благодарил аборигена, а сам рыскал глазами за его спиной, рассматривая людей в кухне.

– Рад, что вам понравилось. Мы в нашей долине бережем народные кулинарные рецепты, мы традиционалисты, – радостно болтал парень, польщенный похвалой, – деды наши добавляли водку в рыжики, ну и мы добавляем. Вот уедет кто из дома, вернется через сорок лет, а у жареных рыжиков тот же вкус, что в детстве. Это не означает, что мы тут мракобесы и не хотим попробовать нового, нет, но наши традиционные блюда всегда будут те же на вкус и готовиться будут в тех же печках. А новое, пожалуйста, вот у нас новое блюдо появилось, тунец со спаржей в перепелиных яйцах. Хотите попробовать?

Давид и Сильвия стоически улыбались, кивая разошедшемуся юному дарованию Бредагоса. Он уже изложил им краткую историю пиренейской кулинарии с древних времен до наших дней и перешел к ее особенностям в долине Аран, когда запыхался и был вынужден сделать паузу, которой немедленно воспользовались слушатели, попрощавшись с наилучшими пожеланиями. Перед уходом Давид спросил Иону о часах работы таверны, решив прийти сюда утром, пока Сильвия будет спать, и перехватить шестипалого повара до открытия.

Уже в дверях Сильвия кивнула Давиду, показывая на столик в глубине, где сидел их проницательный знакомый, Эстебан, с кем-то из местных жителей. Мужчины играли в шахматы на старой облезлой деревянной доске, задумчиво потягивая виски, в обществе бутылки, наполовину опустошенной, стаканов и шахматных фигур, и казались вполне этим обществом довольными.

Глава 6

Анхела

Через два часа они были уже в постели, Сильвия – с болью в животе, а Давид – терпеливо снося ворочание с боку на бок, пинки и стоны супруги. Бутылка с горячей водой, прижатая к желудку, никак не облегчила ее страдания, и Давид просто не знал, что делать. Он рылся в несессере, в котором за время многочисленных поездок собралась целая аптечка: жаропонижающее при гриппе, маленькие ножницы для бинта, антисептик, пластырь, две пилочки для ногтей, мазь от комаров, полоскание при зубной боли и антиаллергический препарат, но никаких признаков смекты или чего-нибудь подобного от боли в желудке. У него с собой был только аспирин. Как всегда, самое нужное забыли. Расстроенный, он поцеловал Сильвию в мокрый от пота лоб.

– Потерпи, голубка, я пойду и спрошу Эдну, может, у нее что-нибудь есть.

Под умоляющие стенания жены он вышел из комнаты.

Взглянул на часы: половина третьего ночи. С неприятным холодком под ложечкой легонько постучал в дверь Эдны. Не дождавшись ответа, постучал еще раз, погромче. Послышались шаги, приоткрылась дверь, высунулась рассерженная физиономия. Одежда на Эдне была ровно та же, что и днем, только не хватало одного шлепанца. Похоже, она просто заснула перед телевизором, глухо бубнившим и мерцавшим экраном в глубине комнаты.

– Ну, знаете! Обращаться ко мне по всем вопросам проживания гостям разрешается только до двенадцати! Я сказала! До двенадцати!

– Пожалуйста, простите, мне неловко беспокоить вас ночью, но понимаете, моя жена...

– До двенадцати!

– Да, да, конечно, я понял, но это срочно! Моя жена...

– Ну уж нет, хватит! Я вас, городских, знаю, все пляски плясать да наркотики жрать, а мы тут ночами спим! Спим!

– От боли в желудке! У вас ничего нет от острой боли в желудке?

– Еще чего! Я вам не аптека! Вы думаете, вас тут будут обслуживать двадцать четыре часа в сутки, как в городе? Дудки! По всем вопросам проживания – до двенадцати! До двенадцати! А вам нужна аптека, конечно, наркотиков купить?

– Эдна, у моей жены острый приступ желудочных болей после ужина.

– Ну а я здесь при чем?

– Так ведь это вы нам рекомендовали, где поужинать!

– Ха! Нетушки, на меня не сваливайте. Мы тут едим нормальную пищу, а если вы ее не перевариваете, привозите свою, а то валите со своей дохлятиной на все четыре стороны, нечего тут по ночам кричать в порядочном доме!

Терпение Давида лопнуло. Орала Эдна энергично, с удовольствием, и было не похоже, что она только что спала.

– Так вы не поможете мне с лекарством от болей в желудке?

– Не-е-е-ет!

Давид вздохнул и двинулся прочь, а за его спиной с грохотом захлопнулась дверь. Эдна пошла набираться сил перед началом рабочего дня, когда она снова должна быть к услугам гостей «по всем вопросам проживания». То есть Сильвии и Давида, единственных в доме. Неудивительно.

Предупредив Сильвию, Давид выбежал на улицу искать аптеку, хотя не был уверен, что она есть в таком маленьком поселке. Интересно, существуют ли какие-нибудь разнарядки –

при каком населении в поселке полагается быть аптеке? Или, например, по аптеке на каждые сколько-то километров? Может, аптека в соседнем поселке? Он заставил себя успокоиться, повторяя, что все живы, приступ гастрита не смертелен, однако подобранная с пола морковь мелькала перед глазами. Мало ли что... Давид озирался в поисках неоновой вывески в форме красно-зеленого креста, но повсюду царил темнота. Бредагос крепко спал.

Для человека, прошедшего жизнь на шумных улицах больших городов, это зрелище было почти пугающим. Давид почувствовал себя одиноким и беспомощным среди молчаливых под луной, крепко запертых темных домов. Мечась по улицам, он заметил наконец сверкнувшую из-под дверей узкую полоску. Где-то горел до сих пор свет. Это оказалась пристройка к какому-то дому вроде гаража – вот там-то и не спали. Он быстро прошел через маленький садик, озираясь, нет ли где спущенной с цепи собаки, и приблизился к гаражу, откуда слышались удары молотка. Все еще под впечатлением от сцены с Эдной, с сомнением постучал в дверь.

Молоток перестал стучать, раздались шаги, но вместо яростно искаженного лица Эдны появилась симпатичная тридцатилетняя женщина в защитных очках. В одной руке она держала молоток, другой сделала приветливый жест, приглашавший войти.

– Слушаю вас?

– Простите, – осторожно начал Давид, держа благоразумную дистанцию, чтоб женщина не подумала ничего плохого, – я в поселке первый день, ничего не знаю, а мне срочно нужна аптека. Увидел свет и решился спросить, не укажут ли мне, где она. Простите, если побеспокоил.

– Нет, не побеспокоили.

Женщина опустила молоток, но из руки его не выпустила.

– В Бредагосе аптеки нет. Ближайшая в Боссосте. Но здесь есть врач, и в тяжелом случае его можно вызвать. Если вам необходима срочная...

– Нет, не думаю, что дело настолько плохо... просто моя жена неудачно поужинала, и теперь у нее ужасные боли в желудке. У нас с собой не оказалось никаких лекарств на этот случай.

Женщина несколько секунд изучающе смотрела на него. Давиду показалось, будто она сейчас поступит так же, как парень в таверне, то есть, не замечая его больше, молча отвернется и закроет дверь. Но, к его облегчению, она сказала:

– Может, у меня что-нибудь найдется. Подождете?

– Спасибо, – пробормотал Давид.

Последовав приглашающему жесту, Давид шагнул в гараж, где лежали у стены ровные доски, ожидавшие какой-то обработки. Из них вроде бы сколачивали что-то, предназначения чего Давид не понял. Из гаража через маленькую дверь они попали в дом. Пока шли по коридору, женщина неожиданно представилась:

– Меня зовут Анхела.

– Я – Давид Перальта.

В ванной Анхела сняла очки, положила их на кафель и стала рыться в прозрачных выдвижных ящичках комодика. В ослепительном свете сильных ламп Давид разглядел ее: очень короткие каштаново-рыжие, как угасающий костер, волосы, на пушистом затылке хохлак.

– Я нашла аэро-ред, я даю его сыну, когда тот обопьется газировкой и его начинает пучить. От аэро-реда легко отходят газы. У вашей жены брожение в животе?

– Не знаю. Мы поужинали в таверне «Эра Уменеха», и у нее начались боли.

– Да, пища там тяжелая, но вкусная. Мы здесь уже привыкли. И ни у кого пока не было жалоб на отравления.

Она подняла на Давида глаза – зеленые, такие глубокие, что он почти испугался. Черты точеного лица свидетельствовали о решительном характере. В уголках глаз залегли тонкие морщинки.

- Привыкли, значит? – Давид перевел взгляд на красивую линию носа.
- Более или менее. Кто не привыкает, уезжает или умирает. А вы откуда?
- Из Вальядолида. Пожалуйста, перейдем на «ты».
- Наверное, в отпуск?
- Да, на несколько дней.
- Неудачно начался отпуск.
- Да, – со вздохом признал Давид, – неудачно.
- Вот лекарство.

Они стояли друг против друга, не зная, что еще сказать. Наконец Давид взял коробочку.

– Пойду дам жене.

– Да.

Женщина вывела его на улицу через гараж. Прощаясь, Давид произнес:

- Спасибо большое. Я утром верну.
- Не беспокойтесь.
- Спасибо, до свиданья.
- До свиданья, Давид.

Ему было очень приятно услышать свое имя из ее уст. Он знал и сам применял в издательстве эти маленькие хитрости, которым учили книги по деловому общению: называй клиента по имени, контакт станет персональным и более глубоким. Но он не являлся клиентом Анхелы, и вряд ли она училась общению по книгам.

В шесть пятнадцать Давид уже шел по улице. Сильвию он застал спокойно спящей. Он разбудил ее и дал аэро-ред, от которого ей не было никакого вреда: жена снова заснула и спала как младенец, даже когда он завожился, одеваясь. Давид оставил ее в теплой постели, а сам отважно двинулся по холодной росе к таверне «Эра Уменеха».

Он подробно обдумывал предстоящий разговор, как всегда обдумывал все переговоры, которые проводил, всякую беседу с любым автором. Слова – сила, всякий, кто с ними работает, знает это. Хочешь успеха – умей использовать слова. Если он сможет поладить с помощью слов с самим Томасом Маудом... Какое это будет счастье!

Он ждал, опершись спиной на стену дома напротив. Сначала пришел Иона, брат Эдны, – он спустился по ступеням, открыл дверь ключом. Зажегся свет, послышались звуки, характерные для любого открывающегося утром заведения. Засунув зябнувшие ладони под мышки, Давид еще минут пятнадцать наблюдал прибытие официантов и поваров. Последним, в рубаше навывпуск и овчинной безрукавке, явился шестипалый. Давид успел подбежать к нему до того, как он вошел внутрь, тронул за плечо.

И тут на него напал столбняк. Давид не мог ничего произнести, двинуться с места. Он стоял перед Томасом Маудом, писателем, который своими книгами изменил жизнь десятков миллионов человек. Давид смотрел на него. Наконец с трудом произнес:

- Простите, вы работаете в этой таверне?
- Да, я повар. А что? Если вы с жалобой, это не ко мне.
- Нет-нет, ради бога, не беспокойтесь, никаких жалоб. Наоборот, я хочу сказать, что очень вам благодарен.
- Правда?
- Да. Я не представился: Давид. Редактор.

Давид протянул руку, пожирая глазами лицо собеседника в поисках реакции зрачков, неожиданно выступившего пота, румянца, любого проявления сильной скрытой реакции на слово «редактор». Ничего подобного. Пожал руку с шестью пальцами. Ту самую.

– Я Хосе, повар.

Давид держал его руку, пока оба не ощутили неловкость. Давид сжимал ее все крепче. Человек с шестью пальцами выдернул руку и отвел взгляд.

– Дело в том, что я знаю, кто вы, – сказал Давид.

Зрачки Хосе сузились. От страха.

– Ну да... я сам вам только что сказал...

– Одно сказали вы, другое знаю я. Я знаю, кто вы, знаю, на что способны.

– Я повар!

– Я говорю о другом.

– Каком еще другом?

– О вашей саге, Томас.

– Ну и странный вы тип!

Давид широко улыбался. Его захлестывали эмоции. Несколько лет он вместе со всеми мечтал увидеть Томаса Мауда, и вот это мгновение настало. Томас Мауд стоял в метре от него.

– Неважно, какой я тип. Миру нужны самые разные люди, в том числе странные, необычные. Такие, как вы, с вашим талантом, с вашей чувствительностью. И мир ждет ваши книги. Вот поэтому я здесь, Томас. Я приехал за шестым томом вашей саги.

– Черт! Что он несет! Вот дерьмо с утра... Да пусти ты меня! – Повар отшатнулся от Давида и пошел в таверну.

– Погодите, Томас. Будет все, как вы скажете. Приказывайте. Мы устраним любую вашу проблему – только предоставьте текст. Сроки вышли, все ждут, это очень важно.

Голос повара повысился до визга:

– Да ты не просто странный, а чокнутый! На всю голову!

Он отодвинулся еще на метр, набычился и был готов к драке. Давид понимал его. Создать себе параллельную жизнь, все в ней устроить по продуманному плану – и вдруг является кто-то, вмешивается и все рушит. Давид успокаивающе поднял руку:

– Ваш секрет для меня священен. О нем вообще никто не знает, разумеется, кроме Коана.

Лицо Хосе пылало, глаза вылезли из орбит. Стараясь не кричать, он дрожащим голосом заявил:

– Слушайте, я вас не знаю и про эту вашу фигню тоже не знаю. Только если увижу вас еще раз – смотрите, я предупредил. Мой шурин – полицейский.

Он быстро скрылся в таверне, в ужасе оглянувшись, не следует ли за ним этот чокнутый.

А Давид брел к пансиону, анализируя ситуацию. Контакта не получилось. Он думал, что сначала «повар» будет отрицать, но потом удивится – а тот испугался. Да, в глазах его был неподдельный страх. Давид мечтал, что они сядут, выпьют кофе, обсудят, на каких условиях будет передана рукопись... а он вместо этого тащится к пансиону по пустой улице с комком в горле и судорогами в желудке... Шесть пальцев, возраст подходит... Это должен быть он. А если не он, то кто?

Графолог считает, что личность писавшего отличает острый ум и способность к импровизации. Ну, если он сегодня импровизировал, то просто блестяще. Убедительно и быстро сделал вид, будто ничего не понимает. Но это также могла быть не импровизация, а давнишняя заготовка, отрепетированная на такой случай. Почему бы автору самого знаменитого бестселлера в мире не подготовить мини-сюжет «я не писатель, а повар в деревенской таверне» и не сыграть его? Ума-то хватит. И выдержки – раз он работает в таком месте, прячась от всего мира. Может, эта таверна для него – лучшая модель мира, наблюдением которого он занят?

Но от него, Давида, ему не скрыться. У Давида все его будущее, личное и профессиональное, поставлено на карту. Он должен его убедить открыться. В крайнем случае Коан решил даже угрожать ему. Его надо поймать на месте преступления, так сказать. С руками на клавиатуре старой пишущей машинки «Olympia SG 3S/33», среди сотен или даже тысяч томов личной библиотеки. Там-то у них и состоится откровенный мужской разговор.

Не может быть, чтобы ему-то самому, Мауду, не захотелось поговорить с человеком из внешнего мира. Например, об успехе саги. Даже у его могучей самодостаточной личности должно быть какое-то, хоть маленькое, тщеславное эго, а уж Давид свое эго напичкает одним только разговором о литературе с Томасом Маудом. Ну вот, потом он позвонит Коану, они обсудят ситуацию, а конец недели они с Сильвией проведут на свободе.

Шесть пальцев. Но этот Хосе – правша или левша? В прошлый раз он не обратил внимания. Нужно посмотреть внимательно.

Эльза проснулась от ласковых, но настойчивых похлопываний по плечу. Некоторое время она прятала лицо от света, не открывая глаз, но будивший ее не унимался, и глаза пришлось открыть. Перед ней стояла сестра. Кристина была такой же, как при прощании, в той же форме медсестры и вязаном кардигане, только вокруг глаз легли тени. Эльза сразу увидела их. Бессонная ночь. Усталая, Крис все равно улыбалась.

– Я тебя заездила, – сказала она.

Эльза немного растерянно оглянулась. Она заснула в кресле у кровати Марты. Одеяло сползло, на коленях лежала книга. Ее все же сморил сон, хотя она долго не могла оторваться от «Шага винта». Начав читать, разделила судьбу всех, кто брал эту книгу в руки: увлеклась и самозабвенно глотала страницу за страницей. В половине пятого утра природа взяла свое: мышцы расслабились, голова откинулась на спинку кресла, веки сомкнулись, книга закрылась, зажав между страницами ее палец.

– Да я с удовольствием, что ты, – ответила Эльза. – Который час?

– Половина шестого. Успеешь принять душ, если поторопишься, – я тебе сейчас подберу что-нибудь из одежды.

– Спасибо. А то если в издательстве меня увидят во вчерашней мятой одежде, подумают, будто я бегаю по любовникам. Девчонки там у нас ужасные сплетницы.

Кристина пошла за одеждой, а Эльза смотрела на книгу. Страницы в середине смялись, пока она спала. Ночью с ней произошло что-то, чего она раньше никогда не испытывала: книга как бы говорила лично с ней, Эльза словно не читала, а расшифровывала ее в поисках послания и порой просто видела напряженное лицо автора, который хотел что-то ей передать, и понять его было очень важно. Вроде ей шептали на ухо что-то, и она напрягалась, чтобы услышать. О нет, книга не была фантастической. Это была даже не «художественная литература» в обычном понимании. Никогда ничего подобного с ней не случалось из-за художественной литературы. Эльза думала о персонажах, но она еще и видела их, говорила с ними, ощущала запахи. Она глядела на строчки, как на амулет, который только что за одну ночь сделал ее более живой и более счастливой.

– Тетя Эльза...

Она с улыбкой обернулась на племянницу. Волосы смялись, глаза покраснели. Рукой она осторожно ощупывала бинты на лице.

– Ну как ты, солнышко мое? Как спала?

– Да не очень. Всю ночь во сне на меня наезжал этот чертов автобус.

– Бедная ты моя. Не тревожься, после травмы это нормально. – Эльза нежно погладила ладонь девушки. – Пройдет немного времени, и все это будет позади. Даже не вспомнишь.

– Тебе-то откуда известно?

– О, мы, тетки, знаем очень многое.

- Ты сейчас на работу?
 - Да.
 - А вечером придешь?
 - Обязательно. Только на сей раз спать буду в удобной кровати.
- Марта захотела рассмеяться, но скривилась от боли. Снова ощупала бинты.
- Спасибо, что посидела со мной.
 - Такова уж моя жестокая теткина доля.
- Эльза поцеловала племянницу в щеку, поправила ей одеяло и пошла завтракать с сестрой.

Ни магазином, ни даже лавкой это нельзя было назвать. Просто комната средних размеров с дверью прямо на улицу, перед входом – несколько ящиков с фруктами, в глубине – беспорядочно набитые полки, на которых стопки старых газет и журналов соседствовали с банками консервов. Похоже, именно так в Бредагосе люди покупали себе продукты.

Нашел Давид эту лавку путем опроса соседей, а нужна ему была упаковка аэро-реда, чтобы вернуть Анхеле вместо взятой ночью. Безотчетно взяв с прилавка огромный сладкий перец, он согрел его в руках. Понюхал. И снова почувствовал себя на несколько секунд тем мальчиком, который на каникулах приехал к бабушке в деревню и помогает ему укладывать овощи в погреб. Запах был тем же – запахом только что собранных овощей. Да и он находился где-то там, внутри, в своих воспоминаниях, тем же – мальчиком из жизни хорошей, простой и понятной. Из жизни, где перед ним не ставили неразрешимых задач.

- Сеньор? Чем могу служить?

Эмилия, владелица лавки, вышла к нему. Кругленькая, низенькая, улыбающаяся, в переднике, она выглядела умиротворенно домашней и безопасной.

- Мне нужен аэро-ред, – произнес Давид.
- Я поищу.

Она вытащила из темных глубин лавки картонную потрепанную коробку, в ней были в беспорядке свалены лекарственные упаковки. Перебирая их, Эмилия вдруг торжествующе воскликнула:

– Да вот же она! Надо же, я уж думала, не осталось. Анхела, плотник наш, недавно купила у меня две штуки, думала, последние, но нет! Это она сына лечит. У нее сынишка маленький, любит газировку, его и пучит.

«Одну из двух упаковок она дала мне, – подумал Давид, – третью я отдам ей».

- Еще чего-нибудь желаете?
- А газеты вы продаете?

– Только одну, местную, «Голос Арана». Центральные у нас бывают время от времени, ну, в смысле, если муж едет в Боссост, то захватывает оттуда. Давайте я посмотрю, что осталось... Понимаете, нас здесь так мало, какие там ежедневные газеты! Это не окупается. Но для вас закажу, если хотите.

– Нет-нет, не беспокойтесь. Это я так, по привычке спросил. С утра развернуть газету, узнать, что новенького в мире...

Эмилия рассмеялась. Громко, искренне, заразительно, от всей души.

– Ну вы скажете. Новенького. Что ж там может быть нового? Одни воруют, другие их ловят, потом долго это обсуждают. Что-то построили, зато в другом месте разрушили. И все остается по-прежнему. По большому счету. Вам не кажется?

Давид подумал, что Эмилия упрощает все, но возражать не стал. Не для этого он сюда приехал. Улыбнувшись, он заплатил за лекарство и повернулся, чтобы уйти. Эмилия спросила его:

- Это вы стучали Эдне ночью в комнату?
- Вам Эдна сказала?

– Нет. Не совсем. Эдна сказала Эрминии, Эрминия Лоле, а Лола мне.

– Да, с такой скоростью распространения новостей вам действительно никаких газет не надо, – заметил он.

– В этом селе ничего не происходит без того, чтобы люди немедленно не узнали бы и не обсудили. Если не хочешь, чтобы твой поступок обсуждали, не совершай его. Единственный выход.

– Спасибо, – кивнул Давид. – Буду иметь в виду.

– Счастливого вам излечиться от газов! – крикнула она ему вслед.

Давид заметил знакомый «Рено». За ним, нагнувшись над коробками с овощами, обнаружился Эстебан. Он был в полосатой фланелевой рубаше. Очки едва держались на кончике носа. Тяжелые коробки никак не давались ему в руки.

– О, кого я вижу! Как освоились?

– Спасибо, прекрасно, – вежливо ответил Давид.

– Супруге полегчало?

– Вот это да! Что, и ты уже знаешь? Здесь все ясновидцы?

– Если хочешь сохранить секрет, которые знают трое...

– Не продолжай, я помню.

– Слушай, ты мне не поможешь? Никак не могу подхватить. Это последний в году урожай.

Эстебан показал на ящики, в которых громоздились разные овощи. Давид различил среди них сладкий перец, огурцы, помидоры, кочанный салат. Подавив желание взять в что-нибудь в руки и понюхать, он помог Эстебану внести в лавку ящик.

– Так ты выращиваешь овощи?

– Нет, по крайней мере, не профессионально. Но мне нравится. У меня небольшой огорожок, я там всякое сажаю. Если самому хватает и друзья отказываются забрать, отдаю сюда на продажу. Богатым не станешь, а сытым будешь. На удобрения хватает.

Они переместили еще один ящик ко входу в лавку.

– Эмилия, ты познакомилась с Давидом? Он у нас в отпуске.

– Да, познакомилась только что.

– Да, – подтвердил Давид, хотя его имени никто не спрашивал.

Наконец все коробки были перенесены. Эстебан поблагодарил его за помощь.

– Слушай, я собирался в «Эра Уменеха». Может, по пиву?

– Спасибо, но я лучше сначала занесу жене лекарство, пока дело не запахло разводом, – улыбнулся Давид.

– Тогда до следующего раза. Спасибо.

Эстебан поправил очки, сползающие на кончик носа, смахнул с потного лба прилипшие волосы и уехал, взревев старым мотором.

Давид глядел ему вслед и думал, что в этом поселке, где все и все обо всех знают, один человек умеет хранить свой секрет очень хорошо.

Когда Давид вернулся, Сильвия чистила зубы. Она совсем оправилась от ночных болей: на щеках румянец. Плохое начало отпуска, допустим, так это не навечно. Просто не повезло немного. Ничто не испортит им эти дни отдыха. Они вышли на улицу и двинулись в противоположную сторону, удаляясь от таверны, решив побывать в этом тихом селе повсюду и все увидеть. Теперь улицы были более оживленными. Женщины вели за руку малышей, которые таранились на Сильвию и Давида, словно тоже хотели знать, кто они такие. Сильвия наслаждалась, глубоко вдыхая холодный горный воздух, и лениво разглядывала дома. Наконец-то наступило время не мчаться куда-то, а просто чувствовать: воздух – легкими, свет – кожей. Полузабытое ощущение. Она привольно, нога за ногу, шла куда глаза глядят, посматривая на

пиренейский гранит под ногами, и тихо улыбалась. Там, в городе, ее мягкие туфли без каблучков никогда не давали такого звука при ходьбе, а здесь, ничем не заглушаемый, слышался звук их шагов по камню.

– Слышишь? – спросила Сильвия.

– Что?

– Не ревет метро, не визжит сигнализация, не орут друг на друга на парковке за то, что поставил машину вторым рядом, мешая кому-то.

Да, здесь царил тишина. Издалека доносились неясные людские голоса, и все.

– Тут спокойно, как и говорили, – произнес Давид.

– Да. Просто рай из гранита. Я не знаю, наскучит ли мне эта тишина и когда именно, но готова поставить опыт на себе немедленно.

– Но мы не сможем здесь прожить долго.

– Да. Но помечтать-то можно? Давай пока не будем говорить о возвращении.

– Хорошо.

– Сельские мечтают свалить отсюда в большой город, потому что тут слишком тихо. Горожане устают от городского шума и приезжают в село от него отдохнуть. Что за тварь человек – нет места, где ему было бы хорошо, вечно нам надо все менять, перезагружаться, перезаряжаться...

– Или просто заряжаться, – добавил Давид.

– Может, мы, люди, просто привыкли к своим несчастьям? И если оказываемся счастливыми, не можем в это поверить, ищем себе хоть какую-нибудь беду, чтобы наконец все стало нормально. Если беда невелика, мы ее раздуваем до тех пор, пока она не начинает нас пугать, и уже не знаем, как с ней справиться. Например, мы с тобой: на самом деле ведь мы счастливы. Любим друг друга, молоды, здоровы, делаем в жизни что хотим да еще получаем за это деньги. Чего еще надо? Так, какая-то мелкая деталь – и вот мы уже несчастливы.

– Что ты имеешь в виду под деталью? Мою работу?

Давид начинал догадываться, куда клонит Сильвия.

– Да ничего я не имею в виду, просто рассуждаю о счастье. Говорю, что нам вечно чего-то не хватает, чтобы быть счастливыми, в то время как нужно просто ими быть. Если человек любим, то он ноет, что нет денег. Если есть и деньги, вздыхает о детях. Тот, кого одарили и любовью, и детьми, и достатком, не имеет времени жить. И нет никого, кто просто счастлив, кто больше не заглядывает куда-то за горизонт, не ставит себе целей, без которых ему жизнь не мила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.